

ВЛАДИМИР НАУМОВИЧ

ВОБЮЛИМАНС*

ГЛАВЫ ИЗ РОМАНА

*Я не хочу, чтоб свет узнал
Мою таинственную повесть;
Как я любил, за что страдал,
Тому судья лишь Бог да совесть!..*
М. Ю. Лермонтов

Часть первая

*В Америку собираться,
да дождя бояться*

I

Кладбище горело...

Церковная староста, давнишняя одноклассница Руслана Родного Лилька Лазеньева, собрала всех сельчан из ближайших деревень для уборки листьев и приведения в порядок могил на деревенском кладбище, где хоронили умерших жителей из Болтичей, Малой и Большой Обрины.

Руслан в тумане и дыме увидел отца. Тот стоял, опершись на деревянные грабли.

НАУМОВИЧ Владимир Александрович родился в 1943 году в д. Болтичи Кореличского района Гродненской области. Окончил Белорусский государственный университет, аспирантуру. Кандидат филологических наук, доцент. Автор книг прозы, монографий, учебных пособий. Член Союза писателей Беларуси. Живёт в Минске.

* "С нами любовь" (чит. справа налево).

Отец бросил выгребать из-под ограды пожелтевшие листья, застыв в недоумении: чего бы это принесло сюда сына?

Руслан Родный приехал домой, в родную деревеньку, всего на один-двухдневный денёк, так как его позвали сюда срочные дела, о которых он пока что предпочитал молчать. Ему надо было увидеть отца, чтобы расспросить о родне. Живых он помнил, а вот кто, когда умер и где похоронен, не проживает ли кто из родных за границей СССР, кто из родных был интернирован, находился ли в плену, не судим ли. В анкетах толстенных без малого тринадцати личных дел, кажись, на двадцати-тридцати листах (не запомнишь?!) требовалось указать, кто и когда из родных или сам были за границей, когда ездили, в какую страну, надолго ли, с какой целью. “За границей никто из родственников не проживает”. Отдельно требовалось отвечать, не сотрудничал ли кто из родичей на оккупированной территории во время войны с немецко-фашистскими захватчиками. У отца в семье было восемь братьев и сестёр, шесть мужчин, двое из которых были старше его, в том числе старшими являлись и две сестры — отец родился пятым, в 1912 году, — ему и осталась в наследство отцовская изба и две десятины земли — немного пахоты, а также дуг и кусочек леса. Перед революцией 1917 года тогда все крестьяне покупали лес. После революционных переворотов, социальных потрясений, когда уже “сбросили” царя, окончилась война — Первая мировая, в которую втянулось множество стран, и гражданская — брат против брата, отец против сына, сын против отца, — из дармового леса — толстенных смолистых брёвен и сложена крестьянская изба, обустроена усадьба, котлище, куда приезжает и сейчас Родный из столярного Минска.

— Вот могила твоего дядьки, — сказал сурово отец, будто с осуждением, подведя сына к заросшему и почти сравнявшемуся с землёй холмику. — Зачем тебе это знать?

— Надо, — глубокомысленно ответил сын.

Сейчас он не желал говорить даже родному отцу о причине своего визита на деревенский погост. “Расскажу, когда вернусь”, — решил для себя Руслан Родный. На кладбище было сумрачно, тоскливо, но непривычно шумно. Люди переговаривались между собой, перекрикивались, что вообще недопустимо в присутствии покойников, звали друг друга идти сгребать обмокреные листья с забытых могил, осуждали кого-то за недосмотр семейных захоронений.

Присмиривший Ахрем: “Фёкла, а Фёкла, слышишь ли ты меня?” — “Хочу — слышу, хочу — нет”. Тодора — Ульяне: “Говорят, ты с моим мужиком спишь?” — “Ага, с твоим уснёшь”.

Руслан Родный ходил вдоль могил своих земляков, размышлял о вечности и бренности жизни. Русский человек без родни не живёт.

Здесь, на развилке двух дорог, одна из которых вела к капличке, он вспомнил, как дед Гавриил взял его, ещё куклёныша, за руку и повёл за собой:

— Вот могилы наших предков.

Для него самого, новоиспечённого кандидата наук, стало неожиданным открытием светское объяснение того, что на третий день после смерти родственники отпевают покойника, и на девятый день, а пуще — на сороковой. Сорок дней объединяют всех родных и знакомых, сослуживцев и коллег. Оказывается, на третий день в чреве у матери зарождается новая жизнь, на девятый день у зародыша появляется сердце, на сороковой день у младенца формируется человеческий вид.

Руслан Родный понимал, что сравнение мёртвой души с младенцем приходило из средневековья, но самой удивительной и прекрасной историей он считал представление христиан о переходе из земной жизни в царство небесное.

Из всех жизненных и вымышленных ситуаций, касающихся самого человека, Родного пуще всего привлекали сюжеты вступления спасённой души в рай. Тот рай, который охранялся ангелом с огненным мечом в руках. Душа расстается с телом тогда, когда дают мёртвому выпить горького снадобья: ангел-хранитель и “встречный” ангел хватаются за вознесённую душу, тол-

пы бесов напоминают о земных прегрешениях. Двадцать таможеней приходится пройти душе, среди которых самый страшный грех — немилосердие, а потом спросят про злобу, клевету, леность, чревоугодие, лихоимство, гнев и ярость, скудость, зависть, неправду, празднословие, убийство, чародейство, блуд и прелюбодеяние, содомию, ересь, осуждение, кражу, сребролюбие и скудость, горделивость.

Первый раз душа перед святым престолом предстаёт на третий день, затем — на девятый. На сороковой день ангелы в третий раз приносят к престолу душу праведника или грешника — вот когда ему понадобятся помощь родных и сочувствие близких, ибо душа человеческая забывчива, а бесов, желающих напомнить нам о наших прегрешениях, множество, и все они запытают, затыгивают в свои греховные сети.

“О блаженная душа! Ты жила на земле по закону Божьему, а теперь переходишь в вечный покой, где радость вовеки”. Впервые праведника возносят к Лику Господнему, они могут лицезреть друг друга, видеть просветлённые лица.

Как попадают в “земной рай коммунизма”, Руслан Родный примерно теперь представлял. А вот как изгоняются из рая, он не знал. Намного позже, после поездки в Америку, они с Натальей Астрогой увидят в Брюсселе, в Храме святого Михаила и святой Гуцулы витиеватую кафедру из чёрного африканского дерева, на которой изображены Адам и Ева, в одеждах, уже греховные: на них замахивается своим огненным мечом ангел; а на самом верху восстаёт Дева Мария — праматерь всего сущего на земле и на небе. Композиция так и называется “Изгнание из рая”. Сюжет тогда потряс Руслана Родного. Он встречал множество картин Рубенса в Антверпене — самом “безруком” городе — “Снятие с креста”, “Возложение на крест”, “Воскрешение Христа”, но ни разу не встречал картины исхода людей из царства благовелчичия. Всю жизнь над Родным и Астрогой висела опасность подобного остракизма. Каким образом происходило изгнание из рая? Окриком? Силой? Судом?

...Пришла запоздалая весна, и редкие голуби, изголодавшиеся за зиму, тянули долго и нудно талую воду из луж под одинокими рябинками, но, вспугнутые, отпрыгивали к коплю, а затем уже начинали клевать разбухшие от воды и засохшие за зиму, ещё сильно подмороженные ягоды.

— Похороны — та же свадьба, только на одного человека меньше, — вспоминает отец, как хоронили брата. — Потратиться пришлось, но всех созвали, приезжали из Симферополя, из Донбасса.

Ну, уж в Симферополь и Донбасс Руслан не поедет искать могилы родных. Родослов состоялся.

II

Стояло лето 1975 года. С 1 по 25 августа в Белорусском государственном университете шли вступительные экзамены. Ранним утром к 8.00 все спешили на развод. В ректорате формировали пары на экзамены по устным и письменным предметам, определяли аудитории, и уж затем председатель экзаменационной предметной комиссии назначал преподавателей на испытания. В первые дни шли письменные экзамены по русскому и белорусскому языку и литературе, будущие студенты четыре часа писали сочинение, и экзаменаторы имели возможность постоять у окна, поговорить между собой, если не проявляли особого рвения и не носились, как носятся при пожаре, по аудитории, отбирая шпаргалки, поднимая с мест абитуриентов.

На письменном экзамене по белорусскому языку и литературе (сочинение) в поточной 433-й аудитории главного корпуса Руслан Радомирович Родный присутствовал с пожилой преподавательницей, женой видного академика-историка, женщиной сельского склада, но рядящейся под светскую львицу, что совсем ей не соответствовало, но однако открытой и простой в разговоре.

— Как вам, уважаемый коллега, Хельсинкские соглашения? — И не дожидаясь ответа, заключила: — Да. Это событие эпохальное. Подумать толь-

ко: 33 страны, в том числе такие большие, как США, СССР и Канада, договорились жить по одним меркам.

Руслан понимал её, жену историка старой партийной школы, ей всё это было в новинку и не понять, а вот он, думалось, давно уж созрел, что все люди — земляки — по одной земле ведь ходят, что уж тут делить-разделять.

На вопрос о Хельсинки Руслан ничего не ответил. Он успел только увидеть в газетах общую фотографию руководителей 33 стран Европы, США и Канады, а в суть договорённостей ещё и не вчитался, а тем более не вникал, хотя и чувствовал себя уязвлённым из-за этого — на всё не хватало времени.

Последние дни перед вступительными экзаменами оказались какими-то уж больно напряжёнными. В БГУ приезжали две американские делегации, одна из них — молодёжная, студенческая. Руслану Родному как вожаку одиннадцатитысячной комсомольской организации Белгосуниверситета приходилось не только бывать на приёме этих и других иностранных делегаций, но и самому с активом принимать студентов из США. Вспоминается с содроганием тот беспристрастный допрос бизнесменов-конгрессменов о том, откуда деньги у ВЛКСМ, за счёт кого живёт комсомол, не подпитывает ли молодёжную организацию государство, а особенно Коммунистическая партия Советского Союза — КПСС — руководящая и направляющая сила в советском обществе.

— Это они выпрашивают, не находится ли наш комсомол на содержании у партии, на хлебникоме у государства, на иждивении у народа, — резюмировал первый проректор Аркадий Галактионович Марушев.

Географ повторял: “Если люди идут друг за другом, цепочкой — это экспедиция”. Раздосадован, скорее по традиции, “за всех, кто в экспедиции, за всех кочующих, друзей тоскующих”, он первым бросился на амбразуру дзота, хотя никогда не стремился загнить патрона. Взыграла гордость за своих. “Пиши, — увещевал Родного постоянно, увидев его первые рассказы. — Творчества не бросай”.

— Так у них в США пропаганда работает, — заключил ректор Константин Георгиевич Сокольский, историк партии, который и сам умел спутать все карты врагу, создавая иллюзию недосказанности, отчего пришлые чувствовали, что им чего-то недодали. Будучи тонким руководителем, он никогда не принимал доклад окончательно, только когда скажут: “лучше не бывает”, брался за него и всё создавал на этой основе совершенно новое, инициативное. Оратор непревзойдённый.

Руслан Родный, секретарь комитета комсомола на правах райкома ЛКСМБ, сопровождал в ректоратской и партийной свите американскую делегацию конгрессменов в Научно-исследовательский институт прикладных физических проблем (НИИ ПФП), в “Роше”, в “Шушенском”. Именно тогда сумел убедить Руслан, что выпускают и чем занимаются учёные-физики БГУ. Вслед за изумлёнными и постоянно цокающими языками полными конгрессменами и очкастыми сухопарыми американскими учёными и Руслан Родный заглядывал в мутный глаз приборов ночного видения, всматривался там в большие цифры на зелёном фоне.

Только потом уже, в США, ему стало известно до мельчайших подробностей, что именно учёные-физики Белорусского государственного университета разрабатывали систему лазерной локации Луны, обеспечивали космическую связь с Землёй во время запуска пилотируемого совместного советско-американского космического корабля “Союз—Аполлон”. Детали космической темы у нас были секретом, там газеты писали всякую мурню. “Братание в космосе”, — пестрели заголовки советских газет. “Русские и американцы на одном космическом корабле”, — звучало, как сенсация. “Можем ли мы доверять жизнь лучших американских парней дикарям, их несовершенной технике?”

В последние дни перед вступительными экзаменами университет посетила студенческая делегация из разных университетов США.

Общение оказалось приятным, где-то даже весёлым, жизнерадостным. Удивили только активисточки-комсомолочки из университета — те, кто работали в библиотеке (кого в летние каникулы найдёшь в вузе?). Пришли три — хоть на подиум — модели, не иначе: причёски — потолок достают,

декольте — груди вываливаются, аж глазам больно смотреть, юбки — ну, это не юбки, это широкий пояс у каждой, синий, жёлтый, зелёный, — до самой развилки дорог, талии обтянуты парчой так, что каждый изгиб тела ткань отчётливо передаёт, оголённые точёные руки — ну, это не просто “руки милой — пара лебедей” — это лианы в джунглях, стрелы небесные. Комсомолки, называется?! Активисточки! Хорошо, что из Москвы не было сопровождающих.

— Больно “на буржуазию похоже”, — вспомнил Руслан Родный замечание Павке Корчагину за расфранченную Тонию Туманову (“Это ты, что ль, привёл эту кралю сюда?”), которая бросила вызов комсомольской ячейке, одевшись на их собрание изысканно и изящно.

— Ничего. Знай наших!

Девушки произвели фурор не только среди своих, но и среди американских сверстников в особенности, многие из которых ходили, как оборвыши, напялят хламиду, свисающую с плеч, в рваных джинсах, потрёпанных кроссовках. Завязал рубашку на пуге и пошёл. В пёстрой толпе не видно. Американцы без комплексов: пыхкают ртом, надувая жевательную резинку, которая лопается, заплёвывая раскислые губы, толкаются, смеются, подходят к приборам, трогают руками.

Бацуря Анжела, Гречная Инна и Оксана Стрелец пришли на приём американской делегации прямо из салона красоты: в 206-й аудитории на втором этаже главного корпуса пахло тонким ароматом французской парфюмерии.

Когда появились три комсомолки, разодетые по первое число, все гости обалдели. Выщучили глаза, открыли рты — так и стояли, как изваяния. Лучше всякой агитации за советский строй, жаль, никто не понимал этого тогда.

— Прима! О, прима!

— Люкс! Мы заберём вас с собой!..

— Красота не экспортируется...

Прощаясь, руководитель студенческой делегации, высокий и худой преподаватель университета Питер Делд протянул Руслану Родному визитку, которая на то время для советских людей была диковинкой.

— Будете в Америке, позвоните, я встречу Вас и с удовольствием покажу город и всё, что Вы пожелаете.

Руслан поблагодарил тогда за визитки, которые, придя домой, куда-то положил и забыл про них начисто. Никогда не думал, даже не предполагал он, что судьба забросит его когда-либо в Америку, казавшуюся далёкой и недостижимой, что ему может понадобиться визитка высокого американского гостя и что та визитка сыграет в его судьбе роковую роль.

III

Университетский городок в дни вступительных экзаменов похож на осаждённую крепость. Вход строго по пропускам: зелёный — на экзамен, красный — везде, жёлтый — обслуга. Все работники университета из главного корпуса, где проходят экзамены, переселены в другие корпуса, отправлены в отпуск за свой счёт. Лаборатории опечатаны. Всё строго секретно. Перемещения внутри университетского городка тоже с предъявлением пропуска.

Входить в аудиторию во время экзамена категорически возбранялось кому бы то ни было. Видно, грозная сила “пригнала” в бурю этого контрабандиста. Поэтому Руслан Радмирович удивился, увидев вошедшего. Это был невысокого роста, коренастый, но крепко сбитый говорун и весельчак, секретарь парткома университета.

— Опереточный у нас секретарь, — сказал как-то о нём географ, выдающийся лектор Илларион Мефодьевич Нападовский.

Секретарь парткома ходил выпятив грудь, а так как он был небольшого роста, то голова его всегда как бы перекатывалась, как шар, секретарь пузырился, надувался, будто бы вот-вот готов был затянуть арию Варяжского гостя из оперы Николая Андреевича Римского-Корсакова “Садко”. Секрета-

ря парткома БГУ Леонида Доминиковича Тулько будто распирало от удовольствия, что ему всё можно, всё позволено.

— Вас ждут в парткоме, — нарочито вежливо и с особым подобострастием, чего раньше за ним не водилось, обратился Тулько к Руслану Родному.

— Кто меня ждёт в парткоме?

— Ждут.

Семён Геранимович Перетятка, ответственный секретарь приёмной комиссии, гроза всех поступающих, а здесь скукоженный, согбенный старичок, не человек, а кулачок в кармане, строго резюмировал:

— Смотрите, сделайте что попросят.

...Руслан сразу смикитил, что расположившийся за широким письменным столом секретаря парткома посланец свыше, видно, — большая шишка, коли уселся за стол первого коммуниста такой большущей, почти районной партийной организации.

Руслан поздоровался.

Перетятки и след простыл, им здесь уж и не пахло. Родный заключил, что гость имеет к нему какое-то важное дело, но параллельно решает и свои шкурные вопросы. Теряясь в догадках, Руслан Родный присел на указанный ему стул, после того как незнакомец долго и дружелюбно, может, и слишком дружелюбно, жал ему руку: “Рад, рад познакомиться!” Руслана подобное обхождение совсем обескуражило: его всегда ставила в тупик подчёркнутая вежливость, обходительность, натянутая весёлость и вымученная улыбка. Значит, очень нужен ты этому пришельцу, а ничего хорошего во время вступительных экзаменов подчёркнутое подобострастие не приносит: лишние хлопоты, просьбы, обиды, уговоры помочь при поступлении, на что Руслан Родный, слава богу, никогда доселе не поддавался и не собирался изменять себе и далее в университетской карьере. “Беднее, но честнее”, — помнил девиз мамы, которая в ответ на просьбу помочь в поступлении учителям-коллегам из школы отвечала так: “Вам своего сына жалко, а мне своего. Чтоб он бегал и устраивал детей учиться. Ни за что, никогда на свете”.

“Будет просить”, — только подумал Руслан Родный и съёжился, как чу- жак вдруг огорошил:

— Вы едете в Соединённые Штаты Америки.

— Ещё не знаю, — последовал ответ смущённого Руслана.

— Едете. Едете.

— Я оформлял документы, но не уверен, что включён в делегацию.

— Вы включены в делегацию ЦК ВЛКСМ для поездки в США, — уверенно заявил незнакомец и вдруг представился. — Я из Комитета...

Он не сказал, из какого Комитета, и без того было ясно, из какого-такого Комитета.

— Я думаю, Вы догадываетесь, что я представляю органы государственной безопасности.

Наслышавшись и начитавшись всех ужасов о КГБ в сталинские времена, жадно глотая книги о разгуле НКВД, которых немало выходило во времена хрущёвской “оттепели”, он, Руслан Родный, как-то перестал думать, что всё это могло повториться, он даже основательно подзабыл, а существует ли такая организация в наши дни, — может, её уже и в помине нет, ведь так она себя скомпрометировала. Но страх в душе жил, какой-то подспудный, неистребимый, животный страх перед неизвестностью, перед тем, что кто-то знает о тебе больше, нежели ты сам знаешь о себе.

— Откуда вам известно?

— Известно. Известно.

У этого лица была странная привычка дважды повторять одно и то же слово — это, видимо, от нежелания сказать больше, чем можно было сказать, да ещё стремление, пока повторяешь сказанное слово, подумать и о следующем. “Так он ещё и тугодум, — заключил Родный. — Поедете в Баден-Баден. — И нечего повторять, я и в первый раз отчётливо слышал”. Руслан усмехнулся.

— Чего вы улыбаетесь? — улыбка не осталась незамеченной для пришедшей особы. — Меня зовут Михаил Михайлович Ботоногов.

— Будем знакомы.

Руслан почему-то невпопад назвал себя.

— Я знаю вас, — уже в отместку усмехнулся Михаил Михайлович. Руслан смутился. “Конечно. Он же вызвал. Что понадобится от меня? Не соглашусь”. — “Никогда, никому, ни за что на свете”, — вспомнил материнский девиз. “Куда ты денешься? Запрягут как миленького. Нет”, — решил про себя Родный и, приготовившись, стал ждать продолжения разговора. Но его визави и здесь Руслана переиграл. Он ничего не просил, ничего не поручал, не таился, а наоборот, пытался втереться в доверие, стать таким своим парнем, поучить, посоветовать, что брать в дорогу.

— Наши люди редко выезжают в цитадель империализма. Надеюсь, вы понимаете, что для вас — это большая честь. Этим надо гордиться.

Руслан понимал. И гордился бы, если б довелось поехать. Ему очень хотелось точно знать, что он едет в США, но пока ему никто ничего не сказал определённо.

— Мы ежегодно оформляем несколько человек, а включают там или нет — неизвестно, — говорили в ЦК ЛКСМ Белоруссии. — У тебя все шансы. Разрядка пришла на одного человека из Белоруссии, это должен быть секретарь комитета комсомола вуза. Ты поработал в ЦК ЛКСМБ лектором, дело знаешь. Заслужил в комсомоле эту поездку. Молодой кандидат наук. Пишешь рассказы, повести. Должен пройти.

Руслан Родный предпочитал молчать о поездке и никому не говорить, что оформлялся и рекомендован.

Знала о предстоящей поездке в США только жена, да и та относилась к ней с недоверием и как-то настороженно, будто бы эта поездка может принести что-то неприятное для них обоих.

И вдруг явился человек, знающий о его, Руслана Родного, поездке в США больше всех на свете.

— В чужой стране всем будет непросто. Смотрите там. За вами будут следить, возможно. Там, на Западе, очень интересуются всем, что делается у нас. Их интересуют люди, особенно молодые, они знают, что молодёжь скоро займёт место у руля, что именно комсомольский актив выдвигают на ответственные должности в стране.

Руслан сидел и слушал. Многие для него было в новинку, кое-что из того, что говорилось, он знал, сам был идеологом в комсомоле.

— За время поездки по США вас постараются изучить как можно лучше, их будут интересовать ваши пристрастия, увлечения, ваши слабые и сильные стороны, чтобы потом как-то влиять на вас, подталкивать к тем решениям, которые им выгодны, если вы окажетесь у руля. У вас есть вопросы ко мне?

— А что мне брать с собой?

— Вам скажут. Вас будут собирать.

Как бы невзначай Михаил Михайлович как-то вдруг оживился, будто вспомнил похожий случай, происшедший с кем-то другим, и посоветовал:

— Будете распаковывать или запаковывать чемодан, положите поверх вещей ниточку, едва заметную, чтобы потом узнать, не рылся ли кто в ваших вещах.

— Зачем? Могут украсть что-либо?

— Нет. Подложить. Запрещённую у нас литературу, порнографию. Будьте осторожны. Они всё ловят.

— А вести дневник я могу там?

— Не надо. Они захотят опубликовать дневник молодого белорусского писателя. Неизвестно ещё, что в нём будет содержаться, первое впечатление может быть ошибочным, непрочным, неустоявшимся.

— Ах, вон оно что! Вы боитесь, чтобы я не очень-то хвалил эту вшивую Америку. Так не сомневайтесь! Меня не проведёшь! Знаю этот их заокеанский рай!

— Не улыбайтесь. Там вам будет не до улыбок. Это работа. Большая и трудная работа, — заметил Ботоногов.

Подобное утверждение на какое-то мгновение объединило их обоих, и он, Хохлик, да-да, Хохлик, этот снежный человечек из стихов Купалы,

маячащий, с ухмылкой, но тающий мгновенно Хохлик, не преминул воспользоваться его, Руслановой, слабостью и доверчивостью. Хохлик — опечатка в тексте, неточность.

— Я для того здесь, чтобы с вами там ничего плохого не случилось. Это располагало.

В завершение он вдруг не попросил даже, а предупредил:

— У комсомола свои задачи, а у нас — свои. Если к вам подойдёт наш человек из делегации, передаст от меня привет и попросит вас что-либо сделать, не отказывайтесь. Хорошо?

Хохлик не стал дожидаться ответа. Ответ, видимо, его и не интересовал.

— Если завяжутся знакомства, то не избегайте их.

— С кем?

— С женщинами, — бросил агент небрежно.

Быстренько собрался и вышел из комнаты. Как будто его здесь никогда и не было. Зловещая тишина воцарилась в огромном пустующем кабинете секретаря парткома университета. Руслан Родный даже не сразу сообразил, что произошла вербовка. Да что ты выдумал?! Какая к чёрту вербовка? Но ты ведь и не возразил? Мог ведь сказать, что ничего общего с этим департаментом иметь не хочешь, не желаешь, что тебе противно всё это. Сейчас не сталинские, даже не хрущёвские, уже брежневские времена, ну пусть постхрущёвские, какая разница. Но ты ведь возглавляешь такую огромную комсомольскую организацию и вдруг не оправдаешь доверие Родины достойно представлять студенческую и научную молодёжь за рубежом — в цитадели империализма США. Что с тобой тогда произойдёт? Да и попробуй отказаться...

А с другой стороны, Руслана Родного изнутри распирала романтика. Это же надо! Куда поедет? Он себе не представлял! Что будет делать? А что требуют от него? Что прикажет Родина?

IV

Назавтра из ЦК комсомола республики в университет поступила телеграмма следующего содержания, её незатейливый текст Руслан Родный запомнил дословно и будет вспоминать о ней и обо всей поездке по прошествии многих-многих лет. В ней говорилось буквально следующее. “Командировать в Москву ЦК ВЛКСМ Родного Р. Р. для направления в заграничную командировку”. Тут же последовал приказ ректора о срочной замене Руслана на вступительных экзаменах, — до поездки в Москву оставались считанные дни.

В связи с цейтнотом, то есть недостатком времени на обдумывание, Руслан понял, что с отцом и матерью ему не удастся увидеться, слишком долго добираться на автобусе в деревню — туда и обратно за один день не успеешь, тут бы хоть семью повидать — жену и обеих дочерей, Татьяну и Ксению, — он давал своим детям имена литературных героинь. Наталья Астрога, его Наталья, в это время находилась в пионерском лагере “Маяк”, куда он отправил её воспитательницей, а детей — отдыхать.

Пионерский лагерь от завода “Калибр” расположился недалеко, на Минском море, но путь туда не казался ему быстрым: надо было оформлять командировку в ЦК ЛКСМБ, получить напутствия, распрощаться с друзьями.

— Мы тебе, Руслан, завидуем, — говорил молодой доктор филологии профессор Найдин Бронислав Сергеевич, отличник учёбы, а в прошлом — воспитанник детского дома, выбившийся в люди без отца и матери, своим трудом. “Найдин — это фирма”, — такую оценку Руслан часто слышал на языковых семинарах в тогдашней Югославии — Хорватии, Сербии, Словении, Македонии. Да, это так, — “профессионал”.

— Как белорусский писатель может попасть в Америку? — спрашивая как будто себя и его, Руслана Родного, донимал в вестибюле БГУ коллега-поэт, доцент, тоже кандидат наук, однокурсник и друг, с которым вместе прожили в одной комнате в общежитии на улице Свердлова, 34 более трёх лет, пока Руслан не женился. Этот поэтический гений Никита Негневицкий

с такими же оболдуями-студентами по народному обычаю украд кур на их с Астрогой деревенской свадьбе из курятника невесты и перевёз в хлевушок жениха — ещё долго в доме Родного лакомились глазуньей из яиц украденных на свадьбе несусешек.

И тут же сам себе отвечал:

— Только в составе делегации от БССР на сессии Генеральной Ассамблеи ООН, да и то туда ездят классики, и всегда одни и те же.

Негневицкий намекал, что его тесть, тогда ещё без высокого звания народного писателя, но уже классик, так ни разу и не был включён в делегацию в ООН, что, видно, больно задевало зятя-поэта. Ну-ну, не будем столь несправедливы к нему. Когда-то в свою бытность в лекторской группе ЦК ЛКСМБ Руслан Родный направил на Сахалин и Курилы группу белорусских учёных с лекциями. Доцент географ, известный геолог по основной специальности, Нападовский Илларион Мефодьевич, настоявший на своей поездке в те далёкие края обязательно с молодой и красивой женой, по возвращении, угощая их, комсомолят, у себя в роскошном загородном доме, восклицал:

— Как может попасть белорусский учёный, да ещё с молодой женой-красавицей, на Дальний Восток, в Комсомольск-на-Амуре?

И тут же отвечал с издёвкой и ехидцей:

— Только по этапам или по путёвке ЦК ВЛКСМ.

Тогда над этим смеялись.

Сейчас было не до смеха.

Поездка в США уже не казалась такой несбыточной.

Первой о поездке узнала (кто бы вы думали? никогда не догадаетесь) Марина, Маша, Машутка, Маринеску, как её называл сам Руслан Родный, Марина-Техас, его любимая студенточка, а теперь, после окончания университета, сотрудница международного отдела, самого секретного, девушка с экзотической и колоритной фамилией Шмалько, с Аляски или с Дальнего Востока, азиатка с раскосыми глазами, похожая на татарочку, с губками-полумесяцами, которые то сходились, то расходились в красивейшей лучезарной улыбке. Он бежал к ней, чтоб сообщить новость. Так он ни разу не устремлялся вперёд. Только раз такой момент остался в памяти навсегда, как самый страшный эпизод в его жизни. В деревеньке у тёщи совсем чужая тётка, соседка Варя, отпустила с рук его дочурку, и та, завидев папку издадека, бросилась что есть мочи к нему, рванулась дрожащим тельцем, едва-едва успевая перебирать ножками — сколько есть сил, а сколько силёнок у перепёлочки, только что научившейся ходить и говорить, — и он, боясь за её маленькое сердечко, бросился навстречу, чтобы сократить расстояние.

— Что, на битой дороге трава не растёт?

Господи Боже мой! Она всё знает.

— И ты уже в курсе? Откуда?

— Я всё про тебя знаю и слезу за тобой. Я не дам тебе проходу.

Марина-Техас, действительно, вот уже на протяжении двух лет не даёт ему покоя с тех пор, как познакомились, после того, как он стал секретарём комитета комсомола. Но это была чистая, безответная дружба. “Нет, любовь!” — твердила упорно она, по-детски обидчиво поджимая губки. В ответ он только улыбался, ведь она ничего не знала о его настоящей любви, но ему было приятно, к тому же Марина-Техас становилась для него незаменимым помощником-секретарём, идеологом. Казалось, что она знает всё обо всех, во всё вникает и может распорядиться всем.

— Откуда знаешь?

— От верблюда. Не догадываешься?

— Нет.

— Откуда и ты.

Только теперь Руслан Родный отметил для себя, что она, Марина-Техас, с минуту тому назад встала, покручиваясь на одной ноге, посреди двора с Ботоноговым. Он что, всем подряд рассказывает? Тоже мне, секретчик-комитчик. А туда же. Руслану разонравилось поведение секретного посланника КГБ. Миссия его, обескураживающая и загадочная, перестала быть таковой, и уже терялся всякий интерес к ней. Тоже мне, государевы мужи!

— Так это же наш куратор, — усмехнулась Марина-Техас, как будто говорила про соседа по лестничной площадке. — Я у него давно доверенное лицо среди студентов и сотрудников.

— Может, он тебя ещё и любит?

— Не исключено. Молод. Холост. Подтянут.

Ранило большее всего то, что Машка-Маринеску, его Марина-Техас, знала, по-видимому, пароль и отзыв, который Михаил Михайлович Ботоногов поведал втихаря Руслану Родному. Руслан запомнил его на всю жизнь.

— На битой дороге трава не растёт.

— Гуляющая девка дитя не зачнёт.

Пароль и отзыв могут идти в любом порядке, но слово “зачнёт” — обязательное, кодовое, — это шифр. Руслан шёл из парткома и долдонил про себя: “зачнёт”, “зачнёт”, “не зачнёт”.

И вот те на! Ей все известно.

— Как я завидую — поедешь в Америку.

Марина-Техас вытянула поленькую верхнюю губку, и два серпика-полумесяца её красивого ротика то слетались, как два конька-горбунка, то разлетались в стороны, как кораблики на волнах, а то яхтой взмывали в негодовании к самому носу, но Марина-Техас всё же тогда добилась своего — тот первый вечер и ночь, когда он узнал о поездке в Америку, стал её вечером, она настояла. Что она вытворяла, сумасбродка и шалунья!

Руслан Родный знал, что себя надо блюсти, но удержаться не смог: до того было сладкое и благодатное время, проведённое вместе. Опять пережить всё заново, ждать и бояться встречи, лепетать ни о чём; желая многого, не требовать ничего; снова пережить такое, когда душа твоя наполнена мечтаниями, а мысли рвутся далеко-далеко отсюда.

— Я буду ждать тебя с нетерпением из Соединённых Штатов.

— Отчего же?

— Оттуда ты вернёшься совсем другим.

— Каким?

— Другим! Не таким, как сейчас, а другим!

— Что я узнаю там такого, чего не знал доселе?

— Себя!

— Себя?

— Себя! Другого!

Руслан вспомнил вечно одинокого, неженатого Иммануила Канта: “Есть две загадки на свете, над которыми бьётся всё человечество. Это звёздное небо над нашей головой и нравственный закон внутри нас”.

Под тем их “звёздным небом” — Марины-Техас Шмалько и его, Руслана Родного, — он и не устоял: гнулось к земле молодое жито, а в обрамлении колосьев, как в Гербе СССР (вот придунок!), он видел её лицо, юной и покорной Марины-Техас, невесть откуда взявшейся на его голову, наваждение и напасть, может, за душевные муки посланную ему, а может, в наказание. “Шпионка”. “Стукачка”.

Он с силой, с мясом отрывал её от себя.

Жаждал оставаться верным одной-единственной, своей Наталье Астроге, любви со школьных лет.

А может, она послана КГБ за ним следить специально. Об этом не раз задумывался он. И это сдерживало его в отношениях с Мариной-Техас, будущей журналисткой...

Недавно, встретив университетского профессора Святослава Аполлинарьевича Мая, своего научного руководителя, вдруг услышал от него такое предположение:

— Тебя куда-то готовят на повышение.

— С чего вы взяли?

— Все, кто побывал в США, все пошли на повышение. Прохоренко Сашу, прежде чем назначить директором Института физики Академии наук БССР, вначале послали в Америку.

Секретарь парткома Тулько, когда узнал, обрадовался, но и испугался одновременно.

— Ну, братка-белорус, тебе испытание.
— Поездка как поездка.
— Не скажи. Мало кто туда попадает. Ты там слишком не распространяйся, не хвали и не ругай Америку.

— Отчего же?

— Не успеешь вернуться, все будут знать о твоих высказываниях. Стены уши имеют. Помни.

Руслан многое приобрёл, но ещё больше и потерял за тот вечер с Мариной-Техас Шмалько перед поездкой в США. “Серпик, — звал он её так за капризную верхнюю губку. — Донесёшь на меня за разгул перед поездкой”. — “Кому?” — “Кому надо”. — “Кому надо, тот и так знает всё о тебе”.

— Ты к кому вернёшься? К ней или ко мне?

— Я начинаю тебя бояться.

— Как КГБ?

— Молчи, несчастная...

— Я и есть твой КГБ...

Зачем она ему?

Почему он не сказал Марине-Техас “нет”?

Он вовсе не собирался попадаться “на крючок” своей преследовательнице. Увидел на университетской спартакиаде, как Техаска выбила из мелкозарядной винтовки 100 очков из 10 выстрелов. На слёте комсомольцев его глаз сразу выхватывал её, длинноногую и решительную.

На молодёжных банкетах-пирушках после конференций она не отходила от него ни на шаг, искала глазами через четыре столика, слала записочки (“Привет БГУ”), первой вела в круг танцевать. Да и танго у них получалось ничегошеньки себе. Хорошо, что выдумали танцы. Можно быть и при всех наедине. Шутил, расточал ей комплименты (только ей!), она откровенно заигрывала с ним. Его к ней влекло, и он боялся своей визави.

Зачем она ему?

В особенности в последний вечер перед поездкой в США?

А как оттолкнёшь?

Возьмёт и наябедничает куда следует.

И его не пошлют. Ага, уже живёшь поездкой. Захотелось нестерпимо посмотреть США и жизнь там, за рубежом. А могут аморалку пришить. Он терялся в догадках. Что это ему даст? Но ей нельзя отказывать. Это часть его работы? Знал, гад, что поступает подло, но он всё-таки пошёл с ней. В квартиру, в дом, туда, где она жила одна.

Они были вместе, но души их оставались порознь.

Руслан почувствовал себя виноватым.

— Поцеловал... не поцеловал... — как-то обронил его научный руководитель Святослав Аполлинарьевич Май, обсуждая в дороге наедине с Родным его первую книгу. Но не об этом же повесть! И начало не о том. Руслан “загонял” в повесть тревожащую его мысль о верности и в любви. Для его поколения полюбить — значит навсегда оставаться рядом.

Она решила устроить ему шикарные проводы. Приготовила ужин из множества блюд, как на Коляды: грибки жареные и грибки маринованные, мясо, капуста квашеная и салат из свежей капусты, колбаса, пальцем пишаная, селёдочка, огурчики, помидорчики, брусника мочёная и клюква тёртая, блинцы, маслом мазанные, с икрой красной, с черносливом и клубничкой. “Капуста — лешая яда, яе на стол падаць не сорам, калі з’ядуць, дык не шкада”, — ёрничал.

Ничего не стал есть Руслан. Ничего пить не захотел. На перинах спать испугался лечь. Вспомнил древнее поверье, прабабушкино колдовское напутствие девицам на выданье: хочешь привязать к себе женишка — накорми его, подмешав в еду то, что созревший плод готово дать.

Бежал Руслан из Маринино дома, как последний трус, не оглядываясь, осознавая, что расстанутся они ненадолго, будто ожидая новой встречи. Когда сами станут другими. При других людях и иных обстоятельствах.

— Ты не современен, — упрекнула. — Хочешь слыть идеальным? — Сама и ответила: — Не получится.

Перед поездкой срочно надо было повидать жену и детей. Их Руслан опасался напугать более всего. Родные ни о чём не подозревают. Отдыхают себе в лесной глуши на берегу моря под Минском. Боже праведный, сохрани и спаси их и меня, грешного, отврати от искушения, позаботься о сохранении семьи, о здоровье детей, о доброте любимой жены. Не согрешивши, не покаешься. К вам мои помыслы и деяния. Ради вас иду я на пути неизведанные, в авантюры пускаюсь разные, чтобы совместную жизнь обосновать, разлучаюсь с вами, хотя ни дня, ни ночи без вас прожить я не силах. Аминь!

Руслан — неверующий — словил себя на том, что молится, просит заступничества у Всевышнего. Молитва шла от чистого сердца, из души.

Из всех завоеваний советского строя Руслан Родный главным считал разрушение фанатичной веры в Бога, когда, мыслилось, подавляется воля человеческая, размагничиваются чувства, ослабевает стремление и действие. Нельзя ни на кого полагаться. Здесь и сейчас надо брать от жизни всё и ни перед кем не держать ответ. “Коммунизм — миф, — утверждал брат матери, учитель в сельской школе Владимир Гаврилович Слагада. — Раньше поп как расскажет о загробной жизни, почище коммунизма, да никто из живых не застанет. Что с него, коммунизма, толку?”

Атеисткой росла и жена, Наталья Астрога, вечный и бессменный председатель совета дружины Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина, — вожак, запеваля, танцорка. Всегда первая.

— Юные ленинцы! К борьбе за дело Коммунистической партии будьте готовы!

— Всегда готовы!

А всё же “задело”. Что задело? Да то, что он всё-таки едет? За море, за океан? На другой край света? Не спросясь? Не предупреждая! Один.

Руслан добрался до пионерского лагеря “Маяк” уже ближе к ночи, когда летние сумерки ступились мгновенно и густо. Стучать, бегать по корпусам не с руки, вот Руслан и расспросил незнакомую пионерочку, где кого в такое позднее время можно отыскать.

— Да на море взрослые. Ночные купания.

— А дети?

— Дети спят в спальнях корпусах, за ними нянечки приглядывают.

Было ещё не очень поздно, и Руслан рванул через лес к морю. Шёл, сердце едва не выскакивало из груди, билось о края рёбер, как волны о берег морской, кажется, не подставь две ладони — упадёт под ноги, растопчешь, загушишь. Путаясь в зарослях, шёл напрямик, благо, знал, в какой стороне морской пляж. Августовские буйные росы ещё не пали на траву, кусты и деревья стояли сухими, даже пыльными от зноя, а зелёный муруг вокруг морского берега гудел — вопил женскими голосами, среди которых слышались мужские серьёзные поучения и разглагольствования. Одни мужики заводили дамочек в воду, обняв за талию, чтобы те хотя бы ножки обмакнули, а другие пытались на руках внести своих избранниц в воду. Плавать ещё никто не решался. Стоял поздний вечер, похолодало, и отважиться лезть в воду в ночную пору мог не каждый. Слышались возгласы, принуждения, уговоры, но ночные купания откладывались. Руслан остановился недалеко и из-за деревьев мог спокойно наблюдать за отдыхающими. Пляжники совсем развеселились, раззадорились. Кто-то даже осерчал, отбиваясь от наседавших пловцов.

Руслан даже сразу не сообразил, что мужчин и женщин на ночном берегу находилось поровну — три пары: “летний выездной комсомольский семинар”, — вспомнил Родный сюжет из своей напумевшей повести о комсомольской юности, где первый райкомовский секретарь, молодой, цветущий, составляя списки активистов, делил лист надвое и вписывал туда поровну — комсомолок и комсомольцев.

Где-то в море плескались пары. Луна только что взошла, и стало видно, как днём. Различимы не только люди, отчётливо доносились голоса. Руслан лишь собрался выбраться из укрытия, но услышал звонкий и пронзительный,

заразительный смех своей Натальи. Господи помилуй, она тоже здесь. Руслан не мог уже ничего сообразить. Оставить детей, пойти купаться, какая надобность?..

VI

Человек сам накликает на себя беду. Только в последнее мгновение перед тем, как увидеться со своей Натальей, здесь, на Минском море, Руслан понял, что жаждет той встречи понапрасну. Иногда мы стремглав устремляемся туда, куда, собственно, нам незачем лететь, а порой это может быть и разрушением собственной судьбы, вот так, походя, одним рывком, одним ударом опрокинуть всё здание, с таким трудом и самозабвенно строящееся.

Люди рождаются свободными в этом мире, и только мы сами нацепляем на себя вериги обязанностей, кляत्व, находимся в плену собственных чувств. Для чего всё это? Не для того ли мы страдаем и мучаемся, возвышаемся в наших устремлениях, вознося их до высокого неба нашего идеала, чтобы однажды слепо окунуться в действительность и доподлинно узнать, что созданный нами мир не так уж совершенен, что всё так несуразно и нелепо, что человек по натуре своей слаб; и только по-настоящему цельные натуры способны постичь и узнать глубокое таинство премудрости жизни. А оно, это таинство жизни, наверное, заключено в самом обыкновенном и простом — быть самим собой в любой ситуации, оставаться свободным в несвободе, любить в нелюбви, отдаваться движению своего сердца даже тогда, когда ты принадлежишь другому, слушать только самого себя и никого больше на всём белом свете.

...До Руслана Родного, наконец, дошло, что он зря ворвался в этот мир Натальи Астроги и Ксенофонта Мухи, как Печорин в Тамани в мир контрабандистов, что надо было дать ей и ему, своему вечному визави, сопернику до гробовой доски, самим решать вопрос о подлинности их чувств. “Ты не дал ей свободы выбора”.

Своим неожиданным появлением ночью на море он только подталкивал их к разрешению, но это не было окончательным и естественным “развязыванием” узлов. В сию минуту в их чувствах была поэзия, Родный знал, уважал, но поэзия чувств именно сама и должна была всё разрешить. Или она, поэзия души, остаётся и движет вами всю вашу жизнь, или она разбивается, как лоб разбивается о стену.

— Закрой глаза.

— Для чего? Не закрою.

— Закрой, закрой.

— Зачем?

— Представь, что мы в раю и идём вместе.

Он на мгновение закрыл глаза, и они вслепую пошли по лесу, и она, широко открыв свои очи, завела приезжего друга на другую сторону дерева и заставила больно удариться головой о ствол громадной сосны.

— Больно ведь.

Она где-то вычитала: для того, чтобы любящий человек тебя запомнил, его надо укусить. Укусить его она не могла — ударила о дерево.

...На берегу Минского моря без морского прибора в тишине они танцевали танго под открытым небом, простроченном пулями навывлет и вправо и влево, и вдоль и поперёк — насквозь продырявленном пологе.

— Эй, гауптман! — хотел крикнуть Руслан советскому танкисту из группы войск в ГДР. — Очнись.

Но гауптман не чувствовал ног под собою. Руслан это понял сразу и встревожился не на шутку.

В этот момент происходило насыщение друг другом. Их общение им нравилось. Или оно должно было перерасти в нечто большее, возвышенное и поэтическое, или разбиться об обыденность взглядов на мир. Руслану никак нельзя было вмешиваться. Но Руслан знал — не вмешайся он, ничего бы не

было. Жили бы они без поэзии — она улетучилась бы мгновенно, лишь только б достигли своей цели — соединили свои сердца, ну, коли сохранили поэзию чувств — равных им не было бы. Но тогда бы Руслан это сам почувствовал и отошёл в сторону. Но кто ему дал право решать за них?

Они были вместе, и им нравилось быть рядом. Это испугало Руслана.

Предвестником непоправимого явилась, как всегда в их отношениях — Руслана и Натальи, — песня. Да-да, песня! Незамысловатая, а какая-то глупая даже, любительская песня, в которой пелось о той обыкновенной чайке над морем, на которую была очень похожа девушка и в которую был до беспомысленности влюблён, наверное, немолодой уже человек, ибо чувства, его переполняющие, оказывались на поверку очень уравновешенными, простыми и непосредственными, как мычание коровы, как гладко отполированный черенок лопаты, незатейливыми и вульгарно откровенными.

*У Чёрного моря, где синие дали,
Где воздух, вода и песок,
Её черноморскою чайкой назвали,
И имя ей то подошло.*

Боже сохрани! Чайка, хватающая на лету крошки хлеба.

Фу! Как вульгарно! Чайка, кугикающая в тоске над морем.

Над Минским морем звучала песня о чайке над Чёрным морем, и это выглядело так нелепо, несуразно, что Родному стало больно за свою Наталью. Неужели она всю эту синтетическую чувств может принять? А ведь принимает?! Ей нравится незамысловатость чувств, незатейливость слов. Стадная чайка, выющая над побережьем у стоек баров, кафе, над пляжем изнеженных людей, в надежде, что кто-то когда-то “подаст” — подбросит вверх сухую голову и крохкий ребристый скелет тараньки.

Какое самое страшное проклятие у белорусов?

- Чтоб твои дети стаканами морковь продавали.
- Чтоб ты у воды сидел и пить просил.
- Чтоб твои дети твоими костями груши обивали.
- Чтоб через твои рёбра козы сено таскали.

Пели вдвоём, Наталья Астрога и Ксенофонт Муха. Утробно. Оглашенно. Как перед пустотой. Придурочная чайка оголтело носилась над лесом и озером-морем.

*Чайка! Повторяют невольно уста.
Чайка! Ты, как пена морская, чиста.
Чайка! Белокрылая чайка!
Черноморская чайка, моя мечта!*

VII

Нет! Родный подобного надругательства над истинностью чувств не допустит.

Песня “Чайка” пелась где-то, когда-то, кем-то, для кого-то. Теперь она предназначалась для Натальи Астроги, но певец, неведомый, но милый, пел её для какой-то девушки уже в той, прошлой своей жизни. Да-да, песня о его Наталье, но он, советский гауптман из ГДР, пел её с явным намерением охмурить, одурманить, через песню хотел высказать свои притязания, подменяя истинность человеческих отношений суррогатом. То не была серенада солнечной долины над искусственным морем, тьфу! — под окном... её спальни, — да-да, спальни, только под окном спальни можно петь подобное. И оскорбляла Руслана даже не сама песня, она могла быть хороша, слова доступные, понятные, а то, что Наталье она нравилась и она принимала его горластое, пьяное и разнузданное исполнение за выражение подлинности любви. Бесхитростная песня!

Но как же она хороша...

При этих словах раздавался смех Натальи, смех призывный, поощряющий, удовлетворённый. Заразительный смех!

Родный знал, что в момент, когда звучали подобные слова, гауптман умудрялся с солдатской прямоотой дотронуться до плеча Натальи и “чмокнуть” сзади в шею, поднимая волосы на голове кверху: от такого поцелуя дрожь бежит по всему телу.

— Гауптман. Ты приехал?

— Я хочу тебя забрать в ГДР.

— Зачем мне ехать с тобой в ГДР, когда Родный забирает меня в США. Лучше бы она этого не говорила.

Почему лучше?

Знали бы они тогда, Руслан Родный и Наталья Астрога, чем обернутся эти три последних слова для них обоих, как часто их будет повторять Ботогов потом, в новой для них жизни, как будет упрекать их обоих в намерении покинуть страну СССР, чего у них отродясь и в мыслях никогда не было. Быстрота языка не всегда поощрение для остроты ума.

— Ты приехал сам или тебя моя мать послала?

— Сам.

— Зачем ты хочешь жениться на моей подруге?

— Хочу быть рядом с тобой.

— Но подруга — не сестра.

— Я думал, что вы неразлучны.

— А не жениться ты не можешь?

— Не могу.

— Отчего же?

— Я не выдержу дольше разлуки с тобой.

— Другие выдерживают.

— И ждут?

— Да, ждут.

— Сколько мне ждать?

— Я не смогу бросить теперь всё...

— ...

— Гауптман, ты меня потерял.

Ничего этого Руслан Родный не слышал. Он только слышал песню, видел их вдвоём на берегу Минского моря.

Этого было достаточно, чтобы ему уехать в Америку в смятении чувств. Да, здесь он не ко двору пришёлся!

Отошли на задний план и мытарства, и песни, и погони, и стычки, и драки, и кровь, и слепая любовь, и мечты, и иллюзии, и душевные “контузии”, и поэзия, и мысли, и чувства, и новые предрасположения к совместной жизни. Его любовь — его судьба. Что остаётся? Улететь и не вернуться?

Руслану Родному страх как не хотелось вспоминать желание её матери — бабки Дани Астроженки-Каторжанки — разлучить их, Родного и Астрогу, чтобы соединить эту Муху надоедливую, Ксенофонта, танкиста-гауптмана, с его Натали; как ночью мать, будучи уже тогда пожилой и поседевшей женщиной, разрежала чёрными старыми ножницами ещё с запольских времён, оттого туповатыми, их совместную фотографию, Натальи и Руслана, опускала две половинки в воду, что-то шептала, но разрезанные не пополам, а вырезанные вкривь и вкось силуэты на воде всё сходились и сходились, а не расплывались в разные стороны. Всё происходило до замужества Натали.

Девичьего села нигде нет. Этого никто не проминёт. На тихого Бог на-несёт, а быстрый сам наскочит.

Выбор надо сделать самому.

Шаманство не помогло. Ворожба не состоялась. А может, заклятье действует сейчас?

Они оставались вместе, Наталья Астрога и Руслан Родный.

На простой деревенской свадьбе, на их свадьбе — Натальи и Руслана — слёз было столько, сколько и водки.

Никто на свадьбе не знал, за кого именно выходит замуж Наталья Астрога. Руслан Родный был тогда простым студентом на четвёртом курсе БГУ. Оставшись наедине, он возводил руки к небу возле поленницы дров, молил зимнее светило о счастье.

Лишь он один — Руслан Родный — знал, с кем в действительности соединяет свою судьбу Наталья, осознавал, что предложит любимой, кем хотел стать и что должен будет совершить, чтобы сделать её счастливой. Он только не предполагал, что над их любовью тенью станет витать старая любовь школьного друга Натальи Астроги.

...Тихо плескалось о прибрежный песок Минское море. Над водой звучала песня о приморской чайке. Какая нелепость.

VIII

Выходить и обнаруживать себя ему уже было поздно, и он, как лось, лопанулся через кустарники, стремясь опередить отдыхающих, которые потихоньку прогулочным шагом направлялись по дороге к санаторию и к пионерскому лагерю. Тучи на небе сгустились. Становилось темно, хоть на волка всядь. Руслан пробежал и туда, и обратно вдоль дороги, завернул за кусты, всё искал какую-нибудь полянку, где бы можно свернуть путникам. Что так произойдёт, он почему-то в тот момент не сомневался. Дальше-дальше, в кусты, между деревьями, но здесь одни кочки. Туда, там низина. Здесь сучья. А вот муравейник. Нельзя! “Да, да, да!” Вспомнил деревенские пастушечьи шутки. — “Фу, дурное!” “Как можно думать о подобном”. “Стыдно, стыдно”. “Гнусно всё!”

Ночные путешественники удалялись всё дальше и дальше, когда Руслан, сбившись с дороги, заплутал в кустах.

В лесу становилось тихо.

Господи боже мой! За что ему такое испытание?

Он, Руслан, стремление Натальи к свободе, желание вырваться на волю из тесных семейных пут в последнее время ощущал хребтом. Не взглядом даже, не поступком, не желанием, а каким-то восьмым-десятым ощущением кожи, подушечками своих пальчиков, дотрагиваясь до её раскалённого от желания тела. В ней играла свобода. Она сама не могла никому принадлежать, не хотела, не имела ни малейшего намерения подчиниться кому бы то ни было, делать что-то под чьим-то давлением.

Наталья с её природным даром певицы, обладательницы необыкновенного полётного голоса, чувственного, сексуального, как сказали бы в США, исходящего из глубины души, как у Анны Герман, Людмилы Зыкиной, Ольги Воронец, всем существом творца устремилась к свободе.

Руслан вырвался из объятий кустарников, забежал на дорогу, пулей примчался в пионерский лагерь, чтобы там ждать. Но в нескольких шагах от него, Руслана Родного, стояли эти двое — Римма Гнездилина и Назарий Хлоров. Руслан узнал их. Известные на весь белый свет гулёны. Чего им таиться в кустах? Назарий теперь — комсомольский секретарь областного масштаба. Риммулька Гнездилина — сектор учёта обкома комсомола. Приехали в лагерь с проверкой. Море утихло, но комсомольцы во весь голос горланили песню про Стеньку Разина, который, не желая поступить с интересами общего дела (“нас на бабу променял”), выбросил свою “персидскую княжну” “за борт” в могучие воды Волги. “На, красавицу прими”.

Каково же было удивление, когда, подходя к главному корпусу пионерского лагеря, Руслан Родный увидел свою Наталью Астрогу, стоящую на крыльце всё в том же синевато-сиреневом цветастом гэдээровском нейлоновом халатике, а рядом стояли её ночные спутники, Танкист, идущий на таран, Ксенофонт Муха, высокий, статный, в спортивном костюме, пристроился одной ногой на ступеньку ниже от Натальи и правой рукой, обняв её за шею, поправлял воротничок халатика. Поотбивать бы руки.

— А вот и я, здравствуйте. Не ожидали? — поздоровался, едва сдерживая волнение, Руслан Родный, предварительно забежав на соседнюю дорожку, сделав вид, что идёт от старого корпуса пионерского лагеря.

— Ты что, с неба свалился? — в её голосе звучало недовольство.
 — С неба, — ему хотелось грубить.
 — Что-нибудь случилось?
 — Случилось.
 — Не томи! Говори.
 — Я уезжаю в заграникомандировку.
 — Когда?
 — Послезавтра еду в Москву.
 — Уезжайте, уезжайте, Руслан Радомирович, мы здесь вашу жену-певунью растлим. А вы разлагайтесь там, под тлетворным влиянием Запада.
 Назарий — ехидна.
 Руслан зло глянул на очередного соперника.
 — Шучу, шучу, — поспешил откреститься Назарий.
 — Попробуй. Ничего у тебя не получится, — отсекала Наталья. Повременив, рубанула “варяжскому гостю”:
 — Пора и тебе домой. Уезжай, как приехал.
 — Может, помочь вытряхнуть иголки из-под одежды?
 — Пойди отоспись. Всё, что сегодня было, тебе приснилось.
 “А всё-таки было”, — кольнуло Родного.
 Он всё ещё едва справлялся с нахлынувшим волнением.
 Инцидент, как говорится, исчерпан. Она закрыла тему. Но если б он съездил визави по роже, прощай, гуд бай, Америка. Почему? Почему? Почему не ударил? Дымовая завеса — Ксенофонт? Отвлекающий маневр? Проверка на вшивость его, Руслана Родного? Кто устроил?
 Руслан Родный и Наталья Астрога остались одни.
 — Я его не звала. Поверь.
 — А дети? Спят?
 — Нет. Смотрят телевизор в ленкомнате.
 Руслан побежал к девочкам, прижал детей. Обнял, поцеловал на прощание Наталью и уехал на ночь глядя в Минск, чтобы собраться в дорогу.

IX

В тот трижды проклятый вечер и ночью он лихорадочно вспоминал, где живёт Техаска, и ему уже захотелось найти её, встретить случайно, отыскать, но Марина как в воду канула, её нигде не было. Опустилась на дно, как подводная лодка. Аналогии с только что увиденным на Минском море донимали его.

Руслан вспомнил, что даже не попрощался с Техаской. Опять ушла в подполье. Секретчица-ракетчица.

Он так её и не увидел.

У Марины-Техас в вузе имелась легенда. Хвалилась, что жила в США до 12 лет, мол, отец — большой патриот Страны Советов — буквально “заболел” противостоянием США и СССР, чтобы выиграть ПВ — психологическую войну, пошёл в органы глубокого бурения и настоял, чтобы его послали на легальную работу в Нью-Йорк, убеждая, что лучшие разведчики — это те, кто родился в стране, впитал с младенческих ногтей язык, быт, культуру, этнотрадиции, менталитет и дух жителей — тубыльцев земли противостоящей, американской. Девочка Марина росла, словно губка, впитывая и жест, и крест, и дыхание, и слог, и мычание, и молчание, и песню, и стих, и письмо, и бег, и стенание, и чтение, и мучения, и встречи, и расставания в чужой стране, ставшей своей, готовая в любой момент послужить земле русской. Повороты судьбы — влюбилась Марина-Техас в американца, оказавшегося... русским — советским резидентом, вернулась и сама, и резидент, и незадачливый отец, желающий с детства “вживить” детей в чужую страну для будущей победы над мировым империализмом (“Мы на горе всем буржуям мировой пожар раздуем!”), выпатив грудь в орденах, пообивал много порогов, чтобы пристроить дочь.

У Марины-Техас и Ксенофонта Мухи всё произошло буднично-празднично. В университетском дворике.

— Человек в военной форме не имеет права заходить на территорию университета, — осекла незнакомца Марина-Техас.

Техаска напомнила истукану-капитану, застывшему посередине университетского двора, уставы старейших университетов в Старом и Новом Свете. Один из них — Гарвард — самый старей в Новом Свете — alma mater семи американских президентов, где год проучилась и сама Техаска, был основан намного позднее Оксфорда и Кембриджа. Марина вспомнила пригороды Бостона, поля Ньютауна, где когда-то, давным-давно, “гойсали” на конях индейцы да шатались медведи, дом с акром земли — Гарвардский дворик — Harvard Yard. Прибывший на легендарном паруснике “Мэйфлауэр” (море, парусник, чайки?! Спаси и помилуй!) священник из Чарлстона, выпускник британского Кембриджа, Джон Гарвард, рано умерший, завещал большую библиотеку и половину состояния. Позже английская аристократка Энн Радклифф учредила специальный фонд для научных исследований.

— 28 октября 1636 года власти Массачусетса основали школу, ставшую университетом.

Марина хвасталась личными связями.

— 29-го — день рождения Руслана Родного, — напомнила Марина-Техас, поражая гауптмана своей осведомлённостью в личной биографии их общего врага.

— И комсомола.

Марина-Техас высмотрела высокого статного военного в университетском городке из окна четвёртого этажа главного корпуса и мигом сбежала вниз. Покуда неслась по ступенькам, вся жизнь промелькнула перед глазами, казалось, не успеет встретить. Капитан ждал Астрогу у входа в корпус НИЧ.

Муха помнил, что для многих горожан главный корпус давно служил выходом на железнодорожный вокзал. На площади спросил:

— Скажите, если я пойду этой дорогой, там будет университет?

— Он там будет, даже если вы тудой не пойдёте.

Они созданы друг для друга — Марина Техас и Ксенофонт Муха.

Так и познакомились. Но Родный обо всём этом не знал.

— Спать? — предложила она, пригласив в малосемейку, и он удивился простоте отношений, когда нет надобности стоять и толкаться в передней, дожидаясь приёма.

— Ты ведь так хотел переспать хоть с кем после того, как Астрога вышла замуж, — продолжая разглаживать простыню на диване, вторила Марина-Техас, удивляя гауптмана своей осведомлённостью. — А теперь я хочу побыстрее лечь в постель, когда меня отвергли.

— И что вы в ней нашли?

Тогда шёл снег. Просеянный сквозь сито мелкий снежок засыпал землю, белёсым пушком пересыпался под ветром.

— Я своего не упущу, — Техаска говорила вкрадливо, но жёстко. — А потом исподтишка... метить-метить.

Х

Назавтра, в последний вечер перед отъездом в Москву, все они, и жена, и дети, а также вместе с отдыхающими пионерлагеря “Маяк”, должны были побывать на выступлении Анны Герман в помещении цирка в Минске. Популярная польская певица давала всего лишь один концерт в столице Белоруссии, о ней давно не слышали, мало кто видел после автокатастрофы, так что билеты были распроданы за несколько дней до гастролей. Непривычно слушать эстрадное пение на арене цирка. Но все стремились на концерт певицы: у счастья нет ни прошлого, ни будущего.

Целый день Родный мотался по магазинам в надежде купить что-либо в дорогу, всё же не близкий свет.

— Там вас всех, кто едет в США, заведут в магазины в Москве и оденут, — рассчитала Наталья.

Руслан на подобное не надеялся, а потому позвонил своим знакомым активисткам-комсомолкам из ГУМа — Кате Дощечке и Насте Степанцовой, — и те завели его на склад, где было всё, чего душа пожелает, и приделали своего коллегу из вуза для любой заграничной командировки.

Девушки из ГУМа явно завидовали поездке Руслана. Для них подобное — предел мечтаний, цель всей жизни.

— Господи! Вот, действительно, увидеть Париж и... умереть, — Настя.

— Не могу допустить, что умру и никто не узнает, какой у меня вкус, — полна решимости всё изменить и переиначить в своей жизни горделивая Катя Дощечка.

А здесь Нью-Йорк, Вашингтон, Чикаго, Сан-Франциско. Невозможно себя представить там.

Все тогда мечтали хоть разочек побывать за границей.

Родный переживал, тревожился. Как она обернётся для него, та поездка? Для карьеры, для семьи?

Что знал тогда Руслан Родный об Америке? Той, о которой запрещалось даже говорить в положительном плане, только негативно. Руслан и сам не раз сочинял подобные брошюры, работая до университета в составе лекторской группы ЦК ЛКСМ Белоруссии. По-серьёзному, Руслан Родный внутренне всегда осознавал превосходство советской системы и образа жизни над капиталистической. Казалось, что у них там хорошего?! Власть чистогана. Деньги, деньги, деньги. Руслану нравилась у себя в стране доступность образования для молодых, возможность реализовать свои потенциальные творческие способности. Душевность. Великое противостояние за умы и сердца, “высоты”, которые отдавать нельзя. С университетов всегда всё и начиналось. “Города в городах”. “Республики учёности”. “Studium generale”.

XI

Руслан Родный в новом двубортном югославском костюме синего цвета, с узенькой, как бы с вытянутыми нитками ярко-синей ворсистой полоской (дорогущий костюм!), в новых коричневых штиблетах, тоже югославских, с острыми длинными носами, в белой новой сорочке с полоской и ярким новехоньким, широким, модным в те времена галстуком, таким же синим, а также в роговых очках в тяжёлой оправе со стёклами фирмы “Карл-Цейс Йена” из ГДР, явился на концерт Анны Герман. Припоздал. Прошёл по рядам, когда уже и жена, и дети — Татьяна и Ксения — сидели на своих местах, он их отчётливо видел, но не окликнул, а просто прошёлся тем же рядом, приостановился лишь на одно мгновение и едва слышным голосом спросил почти отстранённо:

— Свободно...

— Занято...

Нерешительно потоптался на месте, видимо, решая для себя, оставаться ему или уйти совсем отсюда. Может, и впрямь занято? Кольнуло внутри, червь ревности странно зашевелился, стал грызть сердце с особым остервенением. Руслан давно заметил, что самая страшная боль, самое изнурительное разрушение происходит изнутри. Оттуда, где не “почешешься”, где не приладишь, не подуешь ветерком. Болит, а как болит, не поймёшь. В последнее время подобная боль в сердце стала посещать Руслана всё чаще и чаще, и боль была за Наталью, которая, казалось, отдалялась от него всё дальше и дальше, которая, как он решил для себя, занята только собой. Ей не нравились его друзья — “одни собутыльники”; его работа — “дома никогда не бываешь”; его увлечения — “книгами жить не будешь, этим не прокормишься”. Родный хотел уже повернуть обратно, уйти с концерта.

— Руслан, ты! Господи, мы ж тебя не узнали.

— Папа, папа. Папочка, папочка!

Дети бросились отцу на шею.

— Ну, какой ты! Не узнать.

Концерт начался песней “Надежда”. Герман пела открытым голосом. Точно таким голосом обладала и Наталья Астрога. Вот из-за чего они и пошли на тот концерт в последний вечер в Минске перед его поездкой в Москву и вылетом в США.

Было что-то общее в голосе и в песенной судьбе знаменитой Анны Герман и его Натальи. Анна Герман пела нутром, голос у неё шёл из-под сердца, мягкий, уклончивый, бархатистый, он так и обволакивал, как хмельной запах цветов в оранжерее. Она не двигалась, не заигрывала со зрителями, казалось, она просто прерывисто дышала, испуская чарующие мягкие звуки, рассеивая их вокруг себя на все четыре стороны.

Публика замерла.

Никто не шелохнулся.

Это было непривычно для цирка, где арена каждый вечер ходуном ходила, а народ часто хохотал. Сейчас стояла мёртвая тишина. Слова песни ложились на душу легко и приветливо, прорастая воспоминаниями на урожайной благодатной почве. “Снова между нами города, взлётные огни аэродромов...” Руслан и Наталья искоса время от времени поглядывали друг на друга. Никакого смущения, вины перед ним, Русланом, во взоре его любимой Натальи он не заметил, а потому попытался выбросить из головы ночные бдения вдоль дороги, в лесу, в пионерлагере, померещившиеся ему ненароком. Да, он всё это выдумал, сам изобрёл.

Только ощущение чего-то значимого и волнующего не проходило. Он знал, что для НЕГО и НЕЁ предстоят серьёзные испытания их любви.

— Ты постарайшься сохранить себя для меня? — тихо спросил он у неё в перерыве между песнями.

— Ненормальный. Что ты вообразил?

Руслан промолчал. С цирковой арены грянула весёленькая песенка Анны Герман “...а он мне нравится, нравится, нравится...”, и всё, казалось бы, вскоре позабылось и им, и ею — ночь, пляж, лес, полянка, берег моря, дурная, мечущаяся над водой с кутиканьем чайка, давно уже не белокрылая, а пристыженная и присмирелая, испуганная перед большим “расставанием”.

Руслан Родный изо всех сил старался выбросить всю эту дребедень из головы. У него впереди ответственная поездка, не хватало ещё скандала.

ХП

На Белорусский вокзал в Москве поезд прибыл слишком рано.

— Люблю я Москву, — признавалась когда-то Наталья Астрога.

Там много жило друзей, но ни к кому из них идти не хотелось, работали они в аппарате ЦК ВЛКСМ, куда едва не забрали служить и его, Руслана Родного. Взяли тогда на повышение заведующего лекторской группой. Сейчас Руслан пошёл в комсомоле по “второму кругу”. Ушёл из ЦК в аспирантуру, защитился, а здесь звонок из парткома:

— Пойдёшь секретарем? Нужен кандидат наук.

Руслан не колебался и заместителю секретаря парткома доценту-физику Виктору Лудневу ответил сразу согласием. “Нет!” — запротестовала Астрога. Она не приняла его решения, и это осложнило их отношения.

...Осмотревшись, Руслан решил сразу добираться до ЦК ВЛКСМ.

— Пропуск.

— Я по телеграмме. Включён в делегацию.

Строгий молоденький милиционер посмотрел на список под стеклом в свете абажура и любезно предложил:

— Пройдите. Вам придётся ждать начала рабочего дня.

Родный расположился в вестибюле и даже задремал. В девять часов он явился в комнату 224, и его отметили, что прибыл, выписали направление в гостиницу, предупредили о начале сбора в одиннадцать ноль-ноль всех членов делегации в актовом зале.

Стоял душный августовский день. Солнце светило тускло, неярко. Тучи час от часу закрывали небо, и невозможно было уловить солнечного круга.

Иностранного языка Родный не знал и ощущал от этого неудобство. Знание языков других народов у него шло на уровне КВН. Руслан пел тарбарщину, стремясь тянуть последние слова на манер иностранных языков, употребляя макаронизмы: “Jeh тебя я ожидала, warum ты не пришёл? Drei часов стояла, с неба Wasser шёл”.

Это какое-то вредительство, думал Родный, восемнадцать лет учили языки — в школе, в университете, в аспирантуре, но никто не знает ни одного иностранного языка. Чтоб не общались и чтоб не ездили за кордон. Железный занавес.

Единственный посланец из Белоруссии в молодёжной делегации ЦК ВЛКСМ, направлявшийся на IV Международную встречу советской и американской молодёжи в Чикаго — на родину Первомая, в столицу рабочих Соединённых Штатов Америки, Руслан Родный с любопытством и волнением ожидал встречи с новыми друзьями, мечтал о заокеанских открытиях, но и тушевался перед заданием Родины.

Вспомнив о последнем, Руслан Радимирович Родный вздрогнул, как от электрического разряда, мысли его вернулись в Минск, к встрече с Ботоновым.

Родный даже удивился с первых слов в актовом зале ЦК ВЛКСМ на инструктаже, почему он, посланец комсомола Советской Белоруссии, неожиданно для себя узнал здесь, в Москве, что первая встреча советской и американской молодёжи произошла именно в Минске. Наверняка там осталось множество людей, задействованных в приёме американской делегации, можно было бы с ними поговорить, передать приветы, сувениры. Ах, да! Ничего нельзя перевозить через границу!

Фамилия лектора — Хмелинский. Он рассказывал об истории встреч.

— В Минск летом 1973 года прибыло 100 американцев. Их повозили, всё показали, кормили, поили. Они остались очень довольны.

— Возвратившись домой, эта инициативная группа тут же занялась созданием общественной организации, они её назвали “Форум американско-советской молодёжи” под эгидой Национального Комитета по обмену.

“Отлично!” — подумал Руслан. Развивай на этой основе достигнутое. Дело в том, что годами им, школьникам, студентам, вдабливали в головы, что капиталистический мир опасается конкурировать с социалистическим строем, а потому неохотно идёт на контакты. Хотя всё было, как теперь услышал Родный, с точностью до наоборот. Руслан и до Москвы понимал всё это, но выразить или увериться точно не мог. Не смог он этого осознать в полной мере и теперь, пока не сумел убедиться в подобном в самой ихней Америке. Кто же всё-таки более закрытый из нас? СССР или США?

Но сразу щупальца наиболее влиятельных партий потянулись к “Форуму”. Все желали контролировать его деятельность: кто приглашает, кого приглашает, сколько человек, с какой целью, на чьи средства, как эти люди из СССР ведут себя, чего хотят, что проповедают.

“Красный агитатор Трофим Глушков”, — они боятся, что мы им пропагандируем их хваленую Америку и превратим всех в коммунистов.

— Многие уже там порозовели. И американские власти этого очень и очень боятся. Они напуганы нашими успехами.

“Ну что же. Не любят, не уважают, так хоть страшатся”, — подумал Руслан. И это хорошо. Что на того сердиться, кто нас не боится.

Родный сидел в третьем ряду актового зала в ЦК ВЛКСМ по улице Богдана Хмельницкого в столице нашей тогдашней Родины СССР в городе-герое Москве, слушал лекции с интересом, иногда осматриваясь по сторонам, стараясь заметить хоть одну знакомую фигуру. Не тут-то было! Сидели молодые люди группами по несколько человек, которых он не знал. Любопытство разбирало. И Руслан Родный уже без утайки с интересом стал рассматривать своих будущих попутчиков.

Руслана удивило, что в зале сидит очень мало людей. Единицы! Остальные что, ещё не приехали из своих мест? Руслан успел разглядеть

стайку парней и девочек — семь человек, — сидящих кучно и держащихся дружно: по всему видно, они давно и хорошо друг друга знали. Бочком в стороне ютились два парня — по внешнему виду провинциалы. Они внимали всему, что им скажут, с особым пиететом, он бы сказал, жадно и с удовольствием — им всё нравилось и всё они воспринимали на ура. Парни сидели в фирменных комсомольских штормовках, увешанных значками.

Две пигалницы выглядывали из-за кресел. Они перешёптывались и хихикали. Одна дамочка, статная, с роскошной причёской до плеч, сидела в одиночестве, горделиво и занозисто, готовая в любую минуту ополчиться на любого и по любому поводу.

Ещё одна “фря” восседала в первом ряду важно, но как-то неуютно, пристроившись в последнем кресле, с вызывающим видом: “Мол, зачем вы меня сюда позвали? Мне некогда! Мне надо спешить! Столько дел, столько дел. У меня ещё ничего не готово к поездке”.

Мирно сидела пышечка из далёкой глубинки, а рядом с ней в центре зала восседал упитанный то ли директор совхоза, то ли комсорг большого предприятия — таких Руслан за годы комсомольской юности научился распознавать с первого взгляда.

Подобное рассматривание совсем ни к чему Родному, он успеет познакомиться и завести новых друзей, но его больше занимало, а где тот, который представится ему “от Михаила Михайловича”, кто передаст привет от него и заставит его что-либо делать за границей? Руслан Родный лично для себя уже давно решил, ещё в поезде, что всё, что было дома, — это дурной сон, всё прошлое — визит Ботоногова, его просьба, предостережения, равно как и ночное подглядывание за женой и Ксенофонтом Мухой, — глупость; если не доверять, не стоит сходитья жить вместе, лучше сразу, не сходясь, разойтись, чтобы другой человек смог спланировать жизнь по своему усмотрению и в соответствии с его желаниями и принципами. “Я ведь могу и не выполнять просьбу”. “Выпустите меня только за границу!” “Нужны вы мне!”

Среди присутствующих в зале агента или резидента Михаила Михайловича Ботоногова не было. Ну, слава богу! Родный мыслил, что за ними хвостом будут ходить и наблюдать, как бы они чего не натворили за границей.

— Вас там заведут и приоденут, — заверяла жена Наталья Астрога дома. — А как же иначе?

Нигуда не вели. Читали лекции. Менялись только лекторы.

Никто не подходил. Руслан Родный, как угод, повторял пароль: “На битой дороге трава не растёт. Гуляющая девка дитя не зачнёт”.

Он с любопытством наблюдал за поведением лекторов, за их манерой разговаривать со слушателями. Но это не были лекции привычного содержания. Выступления ораторов носили характер идеологической обработки, похожей на промывку мозгов или накачку. О многих вещах Руслан узнал впервые. Ему, столичному жителю одной из республик, впервые стало известно, например, о диссидентах. У них в лексиконе и слова подобного не существовало. “Нет. Нет. Стоп”. Впервые это слово произнёс Михаил Михайлович Ботоногов в своей беседе с ним в парткоме. Родный тогда сделал вид, что знает, о чём идёт речь, а сам засомневался. “Какие диссиденты в Белоруссии?” Руслан помнит, когда разработка теоретических и практических вопросов национального характера — национальной психологии белорусов ещё даже не рассматривалась, никак не достигла определённого уровня (хотя бы первичного), ибо в те советские годы частое упоминание о национальном уподоблялось понятию “националистическое”, а значит, вредное, направленное на раздраз, так вот и тогда, и теперь подавно, Руслан Родный уверен и остаётся с убеждением, что диссидентские настроения для белорусского народа не характерны. Ну, где вы видели в Белоруссии диссидентов?..

— Я могу сказать “нет”, — попробовал раскрыть рот Родный перед Ботоноговым во время их первой встречи.

— Можете. Но тогда мы не получим никакой информации.

Руслан понял — тогда поедет другой.

Агент КГБ пока отсутствовал. Он появится позже, решил для себя Руслан. Ну, не эта же балетная пара из Якутии. Он начал потихоньку знако-

миться. Чемпион мира по баяну Юрка Вострелов. Милейший паренёк, тру-
дятся, с гармоникой родился, чуть свет — ремень на плечо и давай наяривать
русские мелодии. Дружно держался ВИА (вокально-инструментальный ан-
самбль) “Лучина” из Москвы во главе с гитаристом Сергеем Никитиным.
“А он, а он, всё дело в том, был настоящим трубачом” — только и помнил
Родный о Никитине, зная о его песнях из журнала “Кружозор”, где и поме-
щались гибкие (большая редкость!) пластинки с песнями Б. Окуджавы,
группы “АВВА”, — откуда Руслан и запомнил песенку про маленького тру-
бача, поднявшего полк на штурм, в исполнении Сергея Никитина. “Ну, не
маленький же трубач — шпион?” — вопрошал не однажды сам себя Руслан
Родный. “А этот?” — “Из Киева”. — “Нет”. — “Инженер с Нефтяных
Камней из Азербайджана?” — “Да ну, что ты!” — “Это должна быть лич-
ность из Москвы”. — “Шибздик из Тюмени, из университета. Он такой же
преподаватель университета, как я Папа Римский. Подставной. Разрядка
прибыла на университет, а поехал он”. Но всё же, где он, резидент? Хотя
надо опасаться. Подальше от такого коллеги.

Два парня с БАМа. Один — с Восточного, другой — с Западного.
Ну, эти уж точно не агенты КГБ.

Руслан Родный вдрог почувствовал себя уязвлённым, так заставят тени
своей бояться, подозревать каждого, отравят тебе всю поездку. Скорей бы
объявился! Легче стало бы.

Агента КГБ нигде не было. Кто это может быть? Какой он из себя?

Тучный, худой, розовощёкий, с залысинами на лбу, под галстуком, в спор-
тивной одежде, в галифе. Нет уж, только не в военной униформе. Стройный,
подтянутый, спортивного телосложения, ничем не выделяющийся из группы,
чтобы сумел раствориться в делегации.

Родный словил себя на том, что он уже начинает изучать мимику лица
прибывших, ловит движение головы, замечает взгляды разговаривающих в
коридоре в перерыве между заседаниями. “Ну, так кто же? Сим-сим — от-
кройся!.. На битой дороге...”

Мысль о предстоящей встрече с агентом Комитета государственной безо-
пасности СССР не давала ему покоя ни на минуту, не оставляла его в цеков-
ской столовой, не отпускала в гостинице, даже ночью; он смотрел на теле-
фон и ждал, и ненавидел, и опасался, что тот вот-вот зазвонит. “Я пугаюсь
неожиданных звонков”, — неоднократно говорила ему мама — учительни-
ца, проработавшая на одном месте, в одной и той же школе, ровно тридцать
три года, в трудовой книге которой две записи: “Принята”, “Освобождена”.
Пенсия — 120 рублей, целое состояние, как персональная.

Агент КГБ СССР не объявлялся.

Шёл второй день пребывания в Москве.

Ожидание отравляло, разъедало душу, как ржа. Руслан никогда не слу-
жил в армии. Когда учился, тогда студентов не брали, когда призывали отдать
долг Родине — он заканчивал вуз — сердобольная врачаха-терапевт дала за-
ключение: “Годеен к нестроевой”.

К концу второго дня неожиданно стали приходиться новые члены делега-
ции. Руслан уже знал, что всего едет 40 человек, в делегации представлены
все республики, входящие в состав СССР, и все сферы экономической, по-
литической, культурной жизни общества.

К вечеру второго дня Руслан задумал пробежаться по городу и направил-
ся к выходу из здания, но на самом пороге его схватили за руку:

— Вам привет от Михаила Михайловича, — не спрашивая фамилии, ти-
хо и улыбочиво обернулся к нему незнакомый человек. Невысокий, спортив-
ного телосложения, лицо без шрамов и родинок — нос, скулы, впалые щё-
ки, узкий морщинистый лоб, копна волос на голове.

— Будем знакомы: Воскобойников.

Фу! И более ни слова. Хорошо, что обнаружился. Легче стало.

Всё-таки он есть, Хохлик. До последнего времени Руслан надеялся, что
это злой розыгрыш, и агент не объявится. Теперь, когда тот становился ря-
дом, то ему, Руслану, тоже приходилось чувствовать себя увереннее, но и
тревожнее. По спине бегали мурашки. Уши краснели, как у вора.

Что ещё потребуется? День шёл к завершению. Напутствователи сменялись один за другим. Из уст всех напутчиков и напутчиц звучало: “В частных беседах, на встречах, при официальных деловых контактах старайтесь проводить мысль об отмене поправки Джексона и Веника в Законе о торговле с СССР, принятом Конгрессом”. Руслан Родный не очень-то помнил, о чём гласит эта поправка Джексона и Веника, он хотел это получше узнать, но лекторы, полагая, что все всё знают, лезли в дебри, а суть вопроса оставалась не затронутой. Речь шла о предоставлении режима наибольшего благоприятствования в торговле США и СССР — на всю оставшуюся жизнь зарубил себе на носу Руслан Родный.

Так закончились эти два дня, проведённые в Москве. Напутствие не пирогами, а словами, снабжение не одеждой, а идеями. Хотя позже снабдит Родина сполна пищей телесной и духовной — это будет провожание в путь через океан наставлениями и пожеланиями, благословениями и молитвою (в душе!), что похоже на причащение к святому действию, уготованному переходу из нашего бренного мира в Вечность. Выдали командировочные, да такие, что все языками зацокали — мол, таких не получали даже дипломаты, большие суммы. Как потом им объясняли, денег выдали на каждый день, чтобы они ни в чём не нуждались, возможно, придётся там, в США, питаться за свой счёт, а питание в Америке дорогое. Руслан первый раз держал доллары в руках, но несколько не удивился. Подумаешь! Воспитывался он доселе по трибуну В. В. Маяковскому: “У советских собственная гордость. На буржуев смотрим свысока”.

“Наш советский рубль не хуже!” — услышал заключение из уст одного из членов делегации — это был высокий парень с БАМа. Познакомились. И впредь решили держаться вместе. Ваня Чесак казался человеком попроще, доступнее, поживее остальных.

Руслан с удовольствием узнал, что летят они в США через Париж; там будет совершена посадка перед тем, как перелететь Атлантический океан. Вот где выучишь и географию, и историю, осознаешь необходимость зубрить иностранные языки.

Он мысленно, будто навсегда, ещё раз попрощался с женой и детками. Необычайное волнение вдруг охватило его. Ведь так много открывается нового, неизведанного. Что там впереди? И неужели там так хорошо, как об этом хвалят американцы. Что знал он о них? Перед полётом читал ещё раз книгу “Писатели США о литературе”. Штудировал сведения о народонаселении планеты по энциклопедии “Народы и страны мира”. Но чем больше читал, тем яснее осознавал, что все эти знания ему не пригодятся, — важен лишь личный опыт, своё собственное впечатление, самочувствие в данный момент, предвкушение счастья открытия.

Двенадцатого августа 1975 года их всех, членов молодёжной делегации ЦК ВЛКСМ и Комитета молодёжных организаций СССР, предупредили: “Никуда на расходитесь. В 14.00 — приём в ЦК КПСС”.

Молодые пилигримы сразу подобрались, подтянулись, посуровели. Не слышно смехов, тише стали разговоры. Появилось много участников делегации в официальных серых двубортных костюмах. Как-то заметнее прибавилось в составе группы.

Стоял яркий солнечный день. Только такие денёчки могут быть в задушливое горячее лето на Руси.

Духота в городе донимала, но прохожих подобное явление не смущало. В Белокаменной люд поторапливался по своим делам, броуновское движение прохожих на тротуаре мешало идти целевой группой, и делегация растянулась на полквартала. Руслан не любил ни опаздывать, ни отставать. И ещё был уверен: отсутствующий всегда не прав. Он лучше придёт на лекцию за полчаса, будет медленно входить в атмосферу предстоящей встречи: станет у окна и понаблюдает за студентами. Однажды коллега Саша Кунюта, которому сын, слушающий Руслана, рассказал о такой привычке Родного “вживаться” в аудиторию, заметил на это, что Руслан Родный “настраивает” себя на лекцию, медитирует, колдует, совершает таинство,

молитвенный обряд, перед тем как переступить порог аудитории и начать читать лекцию.

Руслану просто интересны студенты.

Издавна, ещё в первые годы работы в БГУ, Руслан Родный, прирождённый лектор, вынес для себя следующее.

— Умей убеждать словом.

— Входя в аудиторию, настроенную по отношению к тебе или к твоему предмету нигилистически или даже враждебно, ты должен выходить оттуда под аплодисменты слушателей.

— Видно, не случайно скульптура древнего лектора изваяна таким образом, что руки закрыты плащом. Чтоб не размахивал. Рассказывай, а не показывай на пальцах.

Руслан оставил Ивана, шедшего ни шатко ни валко, догнал солидных спутников Анатолия Торкунова, Андрея Дементьева, главного редактора журнала “Юность”, Булата Менжелкиева, лучшего Бориса Годунова в мире, солиста Большого театра оперы и балета в Москве.

Впереди шёл Анатолий Корниенко, первый секретарь ЦК ЛКСМ Украины, широкоплечий, коренастый, улыбочивый, коммуникабельный, сильный и простой комсомольский вожак — руководитель делегации ЦК ВЛКСМ в Соединённые Штаты Америки.

Руслан рассказывает об этих людях, рисуя их такими, какими они запомнились ему тогда, не приукрашивая и не очерняя, хорошо помня, что в толпе любой недомерок — богатырь, а в хороводе что ни девка — красавица.

Сам Руслан Родный к тому времени пребывал в возрасте, что без малого не дотягивал до возраста Иисуса Христа, когда того распяли на кресте, но он помнил, что шёл в ЦК КПСС с юношеским волнением и трепетным ожиданием чего-то нового и свежего, необычного, по крайней мере.

— Так. Формальность, — сказал кто-то. — Но надо.

Такого благодушия Руслан не разделял, а потому затаённо зашёл в помпезное здание, с волнением шёл по ковровым дорожкам коридоров.

Встреча прошла довольно буднично. Их всех завели в большущий зал, где столы стояли лесенкой — как одному присесть — впритык друг к дружке. Вошёл пожилой ответственный работник ЦК КПСС, монотонным голосом рассказал о предстоящей поездке в США, напомнил об ответственности каждого за всё, что он собирается совершать здесь и там, предупредил бегло своей авторитет.

— Здесь собрались лучшие из лучших представителей советской молодёжи со всех концов нашей необъятной Родины — СССР, — так начал ответственный выступление. — И я несколько не сомневаюсь, что вы — лучшие. И что достойно пронесёте честь нашей великой Родины, будете с гордостью представлять наш народ.

...Уже вся делегация сидела на чемоданах в аэропорту “Шереметьево”, когда по рядам оживлённых первооткрывателей Америки пробежала какая-то искра напряжения, судорога, как по составу железнодорожного поезда перед тем, как тронется вагонная связка. Ощущалось волнение в группе. Откуда-то пошёл слухок, что делегация сегодня не вылетит, что всем придётся вернуться по домам. “Как это по домам?” Руслана подобное огорчило настолько, что он потерял интерес к своим товарищам. Кто поверит, что не вернули назад из-за твоей неблагонадёжности. Хуже всего возвращаться ни с чем. “На коне или под конём? На щите или со щитом?”

Уж лучше пусть принесут “на щите”...

В толпе начали поговаривать, что делегация вылетит в Венесуэлу, а потом уже в США. “Ого! Пойду, послушаю, что говорят отцы-командиры”, — сказанул Ваня Чесак и отлучился к головной группе. Вернулся.

— Рейс откладывается. Полетим в Венесуэлу. А оттуда в США: поставим их перед фактом. Государственный департамент США не даёт разрешения на въезд.

ХШ

Дальше события развёртывались по строгим канонам детективного жанра. Драматургия мускулистая, завязка и конфликт — основа пьесы — налицо. И быстрая неожиданная развязка. Руслан Годный застал её кульминационный пункт. Весело сидеть под ясным солнцем в московском аэропорту и ждать отправки самолёта в США.

За тебя подумали, суетятся, рыщут, а тебе остаётся лишь дожидаться.

Руслан Родный вспомнил почти библейскую притчу о человеке на сцене жизни. Каждое утро встаёт над землей и вечером заходит солнце. Как будто открывается и закрывается огромная сцена живой реальности, на которой происходит необычайное действо. И человек — участник всех подобных событий — стоит под солнечными лучами отстранённо и неловко, просвечиваемый насквозь со всех сторон, под сотнями и тысячами взглядов. И каждый твой поступок, человек, окончательный, ибо жизнь набело не перепишешь. У жизни нет черновиков. И чтобы стать садовником земли, недостаточно любить цветы, надо ещё научиться ненавидеть сорняки. Мало научиться делать добро в этом мире, надо суметь не делать зла. Зло — разрушительно. Оно разъедает человека изнутри, а это самое страшное разрушение. Злость, ненависть, писал французский философ XVI столетия Мишель Монтень в книге “Опыты”, — оружие обоюдное. Аристотель отмечал, что иногда гнев позволяет личности расправиться со злом. Это похоже на правду, но, наноси раны другому, мы тем самым сами являемся незащищенными. “Я не старушку убил. Я себя — убил”, — рефлексивно разглагольствовал Родион Раскольников из “Преступления и наказания” Ф. М. Достоевского. Правда, сделал он это не из гнева. “Наполеоном хотел стать, оттого-с и убил”.

Этот вид оружия (гнев!) нами владеет больше, чем мы им. Гнев направляет нашу руку, не мы держим его, а он нас. Ехать в Америку и заранее ненавидеть заокеанский рай Руслан Родный не мог. Ему всё надо потрогать своими руками.

Он со щемящей тоской вспомнил, как приревновал жену в пионерском лагере перед отъездом из Минска. В памяти всплывали детали, восстанавливались в глазах всё новые и новые эпизоды. Кеник не отходил от Натальи, его Наталья Астроги. Отчего там Муха? В комиссии. Народ и армия едины? Назарий Хлоров заявился, чтобы мстить за то, что узнал себя в повести. Никакая мы не читающая страна. Мы не умели читать. Художественное произведение не может быть литературным доносом.

— Пойдёмте, Наталья Николаевна, в номер. Я темноты боюсь.

— Понятно. Вы один в темноте уснуть не можете?

— Скучно у вас, девчата. С вами спать хочется.

Руслан испугался за Астрогу.

Но она же не отвела его, Ксенофонта, руку, поправляющую воротничок халатика? Бровью не повела, как стояла, так и оставалась стоять. И это его ригористка и аскетка Наталья. Родный оказался плохим психологом. Назарий хвалил:

— Вы такая компанейская.

— Своя в доску, — вторил Кеник. — Зовите нас в концертах петь. По первому зову.

— Отчего же вас, Наталья, тогда весь ЦК боялся?

Руслан вспомнил деревню, выгон, колодец во дворе за избой, где зарождалась их любовь. Сколько они простояли там зимними звёздными ночами! Вспомнил, как Наталья прикладывала снег к его распалённой скуле под взглядом после очередной драки с деревенскими ватагами, любителями поволочиться за лучшими девчонками из их школы.

— Чего ты примчался на ночь глядя? Ещё подумают, что не доверяешь.

— Почему. А может, что люблю, решат.

— Представят, что я какая-то вертихвостка, раз муж наезжает вечерами, приставать начнут.

Не упрекать же половинку, что на ней лучшие босоножки, что сама —

точёная, ядрёная, как говорят белорусы, “зграбная”, — это значит высокой стати — всё при ней.

— Едешь? — с завистью переспросил Ксенофонт Муха. Не дожидаясь ответа, рубанул. — Ну-ну, едь!..

Укоризненно и зло доложил:

— Мы здесь присмотрим за Наташей.

— Премного благодарен вам, пан, за вашу ласку и доброту, что не оставите без внимания мою Наталью, — почти цитатно из “Тихого Дона” Михаила Шолохова попробовал ёрничать Руслан Радимирович Родный, но получилось грубовато.

— Ничего у тебя не выйдет, Хохлик, — вдруг резко бросил в лицо сопернику. — Красно солнышко не для тебя.

Руслан уколол Ксенофонта Муху тем, что напомнил тому о ночных звонках в семью, когда он, Руслан, бывал в отъезде, и те комплименты, что говорил друг Муха на ночь глядя его жене:

— Солнце моё незакатное.

Не думалось тогда, что часто будет он вспоминать ту последнюю ночь в Белоруссии. Для Родного подобные претензии на жену не были новостью.

Партийцы-функционеры, краснощёкие комсомольские вожди всегда завидовали ему, Руслану Родному, ибо он работал в университете, у него постоянная работа на всю жизнь, да к тому же он не просто преподаватель вуза, а кандидат наук.

Защитить кандидатскую диссертацию в комсомольских кругах считалось высшим пилотажем. Руслан же ещё до этого учился в аспирантуре, которую и закончил.

— Из университета никто не уходит. Наоборот, все бегут в университет.

Самый лучший уход из комсомола считался в партийный аппарат любого уровня: в райком, обком, ЦК. Хорошо уйти в профсоюзы, но это воспринималось слабее.

— Вот это уход! Вот это уход! — восклицали комсомольские функционеры, когда секретарь комитета комсомола БГУ кандидат исторических наук Сергей Владимирович Войцеховский возглавил кафедру истории КПСС в Высшей школе Комитета государственной безопасности.

— Лучший уход из комсомола — в органы.

Какие органы, никто не уточнял.

Над Минским морем стрекотали кузнечики, пели цикады, стояла выспеленная летняя теплынь. Воздух невесом, будто бы его совсем нет, что даже собственное тело наполнялось тем теплом, которое рождает внутреннюю энергию, накапливает энергетику, вызывает душевные заряды, требующие неперенных и быстрых разрядов. Женино добро, как зимнее тепло. Но тогда при сопернике, старом школьном друге, присутствие жены и детей согривало. Из одного рта и тепло и холодно. Как же так можно? Руслан знал: любовь может теплиться, но никогда не сгорает дотла.

— Прощай, матушка-Русь, к теплу потянусь, — говорил журавль на отлёте.

Все последующие события Руслан Родный хотел бы передавать так, как он написал о них сразу по приезде в США. Обо всём, что произошло до вылета, передавали в делегации из уст в уста как сказку.

Большие путешествия всегда обрастают легендами.

Итак, что же произошло?

Уже в самолёте историю с паспортами рассказывали как захватывающую легенду.

В кабинете Комитета молодёжных организаций в Москве “висел на телефоне” который час, не отлучаясь из комнаты ни на минуту, председатель Комитета молодёжных организаций СССР Геннадий Янаев. На другом конце связи — сенатор США.

Скотт: О’кей. Мистер Янаев. Я помню, как Вы меня принимали в Москве. Мой сын до сих пор носит красно-а-армейские ботинки.

Янаев: Да! Они крепкие. Здравствуйте, Билл Скотт.

Скотт: Мистер Янаев. Я рад Вас приветствовать.

Янаев: Вы обещали принять меня. Я готов прилететь.

Скотт: О да, так. Пожалуйста.

Янаев: Но я не один. Со мной сорок гавриков, тьфу, друзей.

Скотт: Но я не могу принять столько человек.

Янаев: Они будут на всём своём. Вы готовы?

Скотт: Я не знаю. Надо советоваться.

Янаев: Они вылетают сегодня. Я прилечу, возможно, позже, один.

Скотт: Это очень и очень трудно, чтоб разрешили.

Янаев: Отчего трудно? И у вас бюрократия?

Скотт: О, да-да! Бю-ро-кра-тия.

Янаев: Но вы обещали...

Скотт: Вы можете позвонить мне через день? Через неделю?

Янаев: Нет, не могу. Надо срочно.

Вдруг связь оборвалась.

Янаев: Алло. Аппаратная. Дайте связь.

Телефонистка: Связь есть. Это с той стороны положили трубку.

Несколько дней не могли решить проблему въезда молодёжной делегации СССР в США ни МИД, ни ЦК КПСС, а Янаев, по легенде, решил за десять минут.

Янаев: Это всё мои друзья. Сорок человек.

По личным каналам вопрос решился быстро.

Всё как в СССР.

Как сон, на всю оставшуюся жизнь.

Самолёт вырывается на взлётную полосу, а в это время прямо к трапу воздушного лайнера подкатывают две чёрные “Волги” — привезли паспорта делегации.

— Четыре человека остаются. Их билеты продали за это время.

Кочевой табор срочно грузится в самолёт. Рейс: “Москва—Париж—Нью-Йорк”.

— Под нами Амстердам...

Стюардесса угощает всех обедом.

Первая посадка — аэропорт Орли в Париже. Стеллажи книг А. И. Солженицына, от которых советская делегация шарахается, как от заразы.

Первые впечатления и начало поездки заслуживают особого комментария.

Перекусон в самолёте — аристократический обед. Всё завернуто, в пакетиках, для чашечки выемка в подносе, чтоб не опрокинулась, стакан в лунке. Вилочки и ложечки одноразовые, пластмассовые — хоть домой забери для экзотики.

От Москвы до Парижа лететь всего три с половиной часа. Время в самолёте летит (да-да, именно “летит!”) быстро, не успеешь оглянуться: Руслан Родный не смог даже хорошо рассмотреть в аэропорту своих спутников. В Москве в аэропорту “Шереметьево” штабисты — это пятёрка руководителей — разбили всю туристическую группу ещё на пятёрки.

Руслана Родного назначили старшим пятёрки — в неё входили Юрка Выстрелов, Булат Менжелкиев, Игорь Ромишевский, два парня с БАМа — так они и старались ходить повсюду вместе, чтобы не потеряться в чужой стране. Когда вышли в аэропорту Орли из самолёта, долго брели по длинному гофрированному коридору с ворсовой дорожкой под ногами. Очутившись в здании аэропорта, Руслан, не привыкший обо всём спрашивать, чтобы не прослыть провинциалом, этаким “дядькам в Вильно”, только в тот момент заметил, что гофрированный рукав дорожки тянется от самого трапа самолёта. Так нигде и не увидишь города. Это разочаровывало. В Минске — столице БССР — аэропорт находился в пределах города, а потому, приближаясь к земле на самолёте, весь просторград можно окинуть взором, оценить его неописуемую красоту. Мечты Руслана Родного, университетского доцента, увидеть Париж хотя бы с высоты птичьего полёта, даже частично не оправдались. Увидеть... и умереть! Нет, он потому так подробно описывает шаг за шагом своё первое заморское путешествие, чтобы потом рассказать обо всём своим студентам, которые, собственно, и подвинули его на создание

данного опуса. Им почему-то всё интересно, как было тогда, при Советском Союзе, да-а... То, что у этой “Своей книги” Руслана будет свой читатель, он, Родный, не сомневался. Но как же основная интрига?

А где Воскобойников?

Когда же, наконец, наш герой начнёт совершать подвиги во имя горячо любимой и процветающей Родины?

— Боец невидимого фронта, — так, кажись, называли в СССР агентов КГБ.

Руслан Родный агентом КГБ себя не считал. В те времена много чести. Только отдельным доверялось подобное задание...

Почти не выходя на свободу, перейдя из зала ожидания, считай, из самолёта в самолёт по закрытому коридору, все они — тридцать шесть человек — очутились в лайнере “Париж—Нью-Йорк” и рейсом Аэрофлота СССР вылетели в США.

Удивительно, но за всё время полёта Руслан Родный ни разу не вспомнил о Марине-Техас. Та не устанет его домогаться. А ведь и ему приятно, чёрт побери. Бежать на встречу с ней, волноваться. Нет, этому надо положить конец. Он заметил, что отдаляется от Натальи Астроги. А этого допустить он никак не мог.

— Как ваша “персидская княжна”? — неожиданно спросил Воскобойников, наклоняясь из-за спинки кресла за плечами у Руслана.

Недоумённо посмотрел на соседа сзади. “Знает. Всё знает”.

— Какая? Какая?

— А это уж вам решать, которая из них.

— ...

— Марина из Техаса, естественно, кто же ещё?

Руслан совсем загрустил.

В тот момент у него было такое ощущение, что агент КГБ знает каждый его шаг, что он забрался даже к нему в спальню.

— Мы и спутницу жизни выбираем ...

— Всем?

— Тем, на кого ставим...

— Зачем?

— Чтоб потом влиять на ваши решения.

— А что, если остался с той, которую выбрал себе сам?

— Она у вас очень несговорчивая...

Когда рейс “Аэрофлота” завершился, и самолёт побежал по посадочной полосе, в салоне неожиданно громко зазвучали аплодисменты. Старички и старушенции нежно, но неистово хлопали в ладоши.

— Спасибо “Аэрофлоту” за хорошую посадку.

В ушах зазвенела, требовательно зазвучала, заглушая рёв моторов, новая песня:

*Волга, Волга, мать родная,
Волга, русская река,
Не видала ты подарка
От донского казака!*

XIV

Ровно в 18.30 они приземлились в Нью-Йорке. В глазах ещё стояли освещённые чаши нью-йоркских бейсбольных полей — пустые глазницы города в огнях, промелькнули параллельные стрит-улицы, дома в них посажены квадратно-гнездовым способом.

Они пересаживались с одного самолёта на другой, с Ту-124 советского “Аэрофлота” на “боинг” американской авиакомпании.

Организованно, став друг за дружкой цепочкой (“это уже экспедиция”, — вспомнил Руслан слова своего первого проректора-географа из университета в Минске), друженько они грузили чемоданы на эскалатор, который по-черепашьи ползал по кругу.

— Ого! Двухкомнатная квартира, — ахнул Ваня Чесак с БАМа. — Беритесь втроём.

— У меня пятикомнатная квартира, — уточнил Полад Бюль-Бюль-оглы. — В Баку и в Москве. — Очарливил: — Здесь концертные костюмы. Певец обрадовал: “Таких чемоданов у меня пять”. Забегая вперёд, Полад на концертах в США заявил:

— Сколько меня будут слушать, столько я буду петь

И вдруг — выстрелом в спину — известие. Руслан вздрогнул.

— Воскобойников? Кто из вас Воскобойников?

Подшли двое в чёрных плащах и шляпах — детективы. В арке стоял в проёме отряд конных полицейских.

— Покажите нам Воскобойникова.

Вот оно, задание Родины! Надо спасти своего человека. Не дать вырвать из цепочки советских людей друга. Все мы связаны одной цепочкой. Это уже экспедиция! — так хотелось крикнуть. — Он ни в чём не виноват. — Мы приехали узнавать страну.

“Друг” остановил Руслана взглядом. “Держись. Так надо”. Группа молчала.

— Любимый, — вдруг бросилась на шею нашему агенту девушка в белом плаще, закутанная с головы до пят. — Прилетел. Ты прилетел. Ко мне. Спасибо.

Люди в чёрном одеянии и в широкополых шляпах, надвинутых по самые брови, какие-то киношные, ступевались и убрались восвояси так же неожиданно, как и появились. Воскобойников с укоризной глянул на Руслана. “Мол, что же ты?” — “Допустил”. Руслан почувствовал себя неловко, будто не встал на защиту. Исчезла и девушка, профиль которой Руслану показался знакомым. Это была Марина-Техас.

Руслан Родный читает: рейс “Нью-Йорк—Вашингтон”. Песня преследовала его в самолёте:

*Мощным взмахом поднимает
Он красавицу княжну
И за борт её бросает
В набежавшую волну.*

Рейс “Истен Шаттл”. Перед отлётом из Нью-Йорка в группу затесался какой-то невысокий, но юркий паренёк, похожий на русского. Это Джон Холман из национального комитета по обмену на 44-й Мартлинг-авеню, Блэнтвилль в Нью-Йорке. Тут же каждому в руки раздали по листовочке. Настороженный уже ко всему, Руслан Родный с недоверием взял две набранные на пишущей машинке странички текста, начал читать. Это было обращение Джона Холмана, председателя Форума американо-советской молодёжи.

“Боинг” взлетал без разбега, сразу взмывая вверх.

“Добро пожаловать, наши советские друзья и гости!

В приложении вы найдёте полный маршрут пребывания в нашей стране. В течение нескольких последних недель многие люди приложили немало усилий, чтобы разработать детальный план, и, как вы убедитесь, здесь можно много что увидеть и сделать. За такое короткое время невероятно трудно широко познакомить вас с нашей страной и её людьми, а это — наша главная задача, и мы думаем, что мы с ней справимся, если не подведут нас наша закалка и наши уставшие ноги”.

Ого! Начало многообещающее. Текст обращения подкупал уже тем, что написан не казённо, а от души, как оно есть на самом деле. У нас, в СССР, так не принято писать. Не пропустит цензура.

Комсомольский вождь Здоров у нас тут же зарубил бы подобный текст. Их в ЦК ЛКСМБ Руслан написал тысячи. И помнил: первый вариант — самый точный.

Здесь писалось, как мыслилось. Легко и непринуждённо.

“У них нет цензуры”, — заключил для себя Руслан Родный.

Ему, комсомольскому секретарю первого в республике университета —

флагмана высшего образования в стране (БГУ входил в число 18 лучших университетов СССР, занимая по рейтингу третье место), нравился такой стиль обращения. Простой, незатейливый, а главное, честный. Иль это тоже ход? Пиар, как скажут в 2000-е годы? Уже с нескрываемым интересом продолжал читать дальше: “Мы понимаем, что ваш полёт в Нью-Йорк был длительным, но должны просить вас выдержать с нами ещё один перелёт. Это будет короткий (около 40 минут) полёт в Вашингтон, где вас будут ожидать американские семьи, которые предоставят вам дружеский дом и мягкую постель, чтобы помочь облегчить “воздушные болезни” наших утомлённых путешественников”.

Дружелюбный и простой тон обращения окончательно покорила Руслана Родного. Да это же его стиль! Если бы он писал подобный текст, он сочинил бы именно так. Они что, телепаты, читают мысли на расстоянии? Точь-в-точь его слова!

Дальше — больше, уже нетерпение и любопытство всюду обуревало этого советского до мозга костей человека, которого, казалось, ничем не проймёшь, ничем не проймёшь. Ан нет! Хотелось вступить в диалог с невидимым собеседником, сумевшим ненавязчиво и просто покорить сверстников из вообще-то незнакомой и сейчас не совсем дружественной страны, а немногим раньше так даже враждебной.

— Мы знаем, — обращался к ним американский энтузиаст, функционер-любитель, — что у вас будет много вопросов, и мы попытаемся ответить на них как можно быстрее. Пожалуйста, спрашивайте любого члена комитета Форума обо всём, в чём вы сомневаетесь. А если у вас есть какие-то специальные просьбы о том, что бы вы хотели увидеть или сделать, не задумывайтесь, спрашивайте. Мы здесь для того, чтобы всё прошло гладко, и будем счастливы удовлетворить ваши личные интересы. Спросить — уже наполовину узнать.

Впервые настораживало здесь одно, другое, третье. Эти строки возвращали к подписке в ЦК КПСС. “Какие могут быть у советского гражданина “личные просьбы”?” — “Мы здесь для того, чтобы всё прошло гладко...” — “А как гладко?” — “Что значит?” — “Почему вы знаете, что у нас будет много вопросов?” Вспомнилось наставление: “Не задавайте лишних вопросов”.

Пленило в тексте одно в данном случае.

“Спросить — уже наполовину узнать”. Он бы данный тезис большими буквами выписал и вывесил на корпусах всех тринадцати факультетов БГУ.

Спросить — уже наполовину узнать!

Это же прекрасно! Разумно!

С русским языком у их американских друзей также не всё в порядке, заключил для себя Родный.

Но с удовольствием читал дальше.

“Боинг” взлетел — только в паху заглодело. Руслан Родный уже давно встал со своего места, куда определила его заботливая и несуетливая, уверенная в себе стюардесса. Быстренько оглядел салон и пошёл совершать экскурсию на двух уровнях, в I, II и III классах. Ему здесь нравилось. Комфортность. Удобство в креслах, что даже спинка сиденья устроена таким образом, чтобы учитывать малейший изгиб тела. Тонкий шпон создавал иллюзию деревянной обшивки. Кожа на сиденьях добротная, без единой вмятинки, без шероховатостей, гладкая, не коробится, как порванные меха гармошки. Это сырой лес в подделках коробит и рвёт.

В салоне отливало желтизной.

Интерьер “боинга” пришёлся Руслану Родному по вкусу. Встроенные полированные шкафы для лёгкой верхней одежды в перегородках, выдвижные столики там же, едва-едва заметные в общем сиянии почти зеркальной поверхности, что становилось в общем-то диковинкой по сравнению с советской чёрной матовой доской, покрытой лаком, а потом — матом! Русским матом! В России обеспечивали мебелью, сделанной на знаменитой фабрике имени революционера-бомбиста Степана Халтурина?! (Надо же такую фамилию революционного террориста для краснодеревщиков подобрать?) Поверхность у наших столов не то что не отражала, не отсвечивалась, но даже не блестела.

Лётчик может всё видеть на дисплее, будто выглядывает из салона: просторы окрест, как глазом окинуть. Компания “Гольфстрим” работает над разработкой возможности видеть в тумане. В частной компании “Bombardos” имеются свои метеорологи, они проведут самолёт меж двух грозовых фронтов и крыльев не промочат. Частные авиакомпании — лучший способ перевозки пассажиров. Всему этому Родный был немало удивлён, до сих пор твёрдо считая, что безопасность в пути может гарантировать лишь государство. Оказывается, что их безопасность оберегали уже с самого начала регистрации в аэропорту охранники авиакомпании. А он и не заметил. Всё, спёкся, сыщик КГБ. Пора списывать на землю. Удивительно, но частные самолёты могут садиться там, где порой даже нет взлётной полосы. Чудеса в решете.

Аэробус набирал высоту.

С каждым новым взлётом Руслан Годный проваливался в черноту, под сердцем холодело, появлялась какая-то лёгкость во всём теле, в груди зияла пустота. Казалось, через рёбра выветрилось всё: и любовь, и тоска, и ревность, и злость, и обида, затаённые с дней оных.

— Чтоб через твои рёбра козы сено таскали, — самое страшное белорусское проклятие, и вспомнилось оно Руслану Родному не случайно, ибо такого хотелось пожелать своему сопернику, оставленному без присмотра рядом с его Натальей Астрогой. И заключалось в данном жёстоком пожелании что-то языческое, а может, заимствованное из других религий: раз твои рёбра покоятся на сенокосе, на песчаной гряде — значит, твоё тело не предали земле, выходит, что так закончился бесславный путь скитальца-завоевателя, оккупанта чужого сердца, настырного домогателя руки королевы, когда выбор уже сделан, когда столько прожито и пережито, а тот вдруг восстал из небытия, прибыв инкогнито с тайным намерением узнать, а может, и у неё, как и у него, не всё сладилось в личной жизни, — до сих пор бобылём таскается по свету с немым укором любимой: “Лучше тебя ещё не встретил никого”.

— Не буду жениться до тех пор, пока ты не захочешь связать со мной свою судьбу. Мне и половины жизни хватит.

Руслану Родному мерещилось, как будто во тьме, что Кеник забирает и увозит его детей, двух белокурых дочерей, восьми и пяти лет, что он поддбывается к ним, задаривает гэдэровскими подарками, осыпает жемчугом и бриллиантами его Наталью Астрогу, все вместе они учат немецкий язык, чтобы быстрее акклиматизироваться в ГДР (“Ich habe”, “Du habst”, “Er Sie Es hat”, — ну и гад!), Кеник осаждает Наталью днём и ночью, крадёт, увозит, преследует, не даёт проходу! Он шёл напролом... И всё это в его, Руслана, отсутствие, когда он далеко от родных мест. Нет, все дороги ведут не в Рим, прав поэт, а к родным вербам и берёзам. Самолёт ещё не взлетел, а Руслану Родному уже хотелось побыстрее вернуться назад, в СССР. Что ожидало его в США, он и не предполагал, да и не хотел предвидеть. Он сам делал свою судьбу. Воспоминания согревали и бередили душу.

XV

Он вёз цветок для своей любимой через всю страну.

В автобусе в Ужгороде и во Львове его толкали, на него шикали, мол, что за находку везёшь, здесь таких полно, невидаль какая, выбрось!

В железнодорожном транспорте из Львова в Минск, в плацкартном вагоне, в дикой давке, тряске и толчее сохранить магнолию стало ещё труднее: и запах её не нравился пассажирам, и вода в стеклянной банке расплескивалась, заливая и без того заляпанную скатёрочку на выступающем от окна прямоугольном столике, похожем на обрубок гладильной доски, цветок мешал всем на этом столике! “Уберите со стола! Мы будем обедать!” В родном городе водитель такси не сказал ни слова, только присвистнул, терпеливо ожидая, когда же пассажир наберёт в банку воды из ближайшей колонки на

пустыре, наполняя её до краёв под тяжёлые, казалось, вечнозеленые, как у каштана, листья цветка магнолии. Спросил нарочито шутливо:

— Откуда фикус?

— Это пальма, — отшутился Руслан.

В студенческом общежитии на цветок собрались посмотреть всем этажом. Труднее всего оказалось уберечь экзотику от посторонних в привокзальной суете в Минске. Такой диковинки здесь отродясь не видали. Поставив на широкий подоконник и оперев банку на оконную раму, он стал в очередь за билетом в кассу и, на минуту оставив своего любимчика одного, тем самым едва не свёл свои многодневные и многокилометровые беспокойства растревоженного сердца на нет. Только отвернулся — его любимый цветок тут же мог с лёгкостью оказаться в земляной пыли. Уборщица смахнула метлой остатки пожелтевшей сирени с рыжими цветками-барашками, провела тряпкой по мраморной доске и схватила в руки банку с магнолией.

— Кто здесь поставил эту зелень?

— Это мой цветок!

Руслан не сказал, он завопил на весь зал ожидания, бросившись на вредную старуху, закрыв собой окно, как закрывал бы амбразуру дзота.

Он сел в рейсовый автобус, идущий на родину, и обрадовался, что трудная дорога домой завершается.

Сойдя с автобуса междугородных линий на развилке дорог, последние пять километров он нёс цветок почти в зубах (ибо руки были заняты двумя чемоданами), как мог охранял и дул на него, как на маленького, трогал листочки и посматривал время от времени — не завял ли под солнцем. Дома он спрятал цветок в саду, среди цветущего жасмина, где снежно-белые горлачки магнолии ничуть не отличались от буйства белых трубочек и пёстрых белых лепестков жасминных шаров. Припомнился закон детективного жанра: где лучше всего спрятать лист? В лесу. Только назавтра он отвёз свою невидаль в любимую хату. Вошёл в дом, впервые уверенно, хозяйским шагом — мол, надо, обстоятельства требуют, прошёл на покуть, где развешены иконы, поставил на подоконник крайнего от двора окна, распушил листья и повернул широким цветком к улице.

— Это тебе!

Выходя со двора, он любовался необычным цветком за оконным стеклом деревенской избы: широкие и твёрдые, с выразительными прожилками листья горделиво окаймляли белое со множеством полукруглых лепестков чарующее соцветие. Что-то нежное и призрачное, недолговечное, но удивительно гармоничное и красивое едва проскальзывало в самой цветке.

Магнолия озаряла белым сиянием деревенскую улицу в песчаной пыли в тот на удивление яркий и солнечный июньский день.

В Ужгород Родный попал на научную конференцию после того, как научный руководитель, поэт-профессор Святослав Аполлинарьевич Май дотронулся ладонью до верхней папки в кожаном переплёте среди большущей стопки и объявил всему третьему курсу:

— Вот лучшая курсовая работа. Открытие.

Цену своему открытию Руслан знал отлично.

Родный “открывал” ранее закрытое. Работа посвящалась идейно-художественному анализу случайно найденного в архиве совсем недавно и опубликованного в журнале “Полюмя” последнего романа репрессированного белорусского писателя-классика Максима Горецкого “Виленские коммунары”.

С таким докладом деканат направил его в университет Ужгорода на Украину. Там, среди карпатских гор, он и облюбывал магнолию, сорвал, сохранил в дороге, привёз и подарил любимой.

Где бы ни был Руслан Родный, что бы ни встречал, всем лучшим, что выпадало на его долю, он жаждал поделиться с любимым человеком, дорожке которого буквально не видел ничего на свете, он стремился, чтобы и она побывала там, где только что радовался сам, полюбила то, что любил он, спешил поделиться красотой.

Так редкостный и диковинный цветок магнолии неожиданно зацвёл в окне сгорбленной подслеповатой деревенской избы, которая ему, Руслану

Родному, казалась тогда просторной и роскошной светлицей, сияющей белизной изнутри, ибо там обитала любовь.

Родный давно заметил эту необычайную привязанность белорусов к белому цвету в одежде, в убранении избы, в украшении окон. Зайдёшь — всё вокруг беленькое, накрахмаленное, сияющее: занавески на окнах, гипсоровые покрывала на подушках, ажурные простыни под пёстрыми одеялами, белые кружевные рушники под иконами.

Цветок магнолии вписывался в эту белизну.

— Пусть стоит, завтра выброшу.

За дорогу он два раза за него бился, дышал, чтоб распустился, молился, чтоб не умер, заслонял, согревал своим дыханием, чтоб не погиб, каждому встречному-поперечному объяснял, чтоб отцепился, наконец, нигде не остушился — довёз, донёс, доставил и водрузил на подоконник-пьедестал.

Сейчас под деревенским забором на ржавых цветочках обломанного жасмина лежала ветка магнолии, с листьями, как у фикуса, но подкрученными, как свиные уши на огне, с изжелто-бежевыми цветами, по краям тоже уже заржавелыми. Цветок в пыли...

— Красивый, но бесполезный.

XVI

Вспоминая зловещие цветки магнолии, Руслан Родный не однажды ловил себя на мысли, что именно тогда он впервые узрел и ощутил равнодушные в глазах и сердце Астроги. Кстати, Астрога — в русском переводе Острога — это тюрёма, но и город, укреплённый частоколом, а непосредственно слово “острога” означало вилы, которые использовались при подводной ловле рыбы. Не даётся рыбёшка в руки, а мы её, подкравшись, острогой и под водой на крючок наколем.

Направляясь в Америку, Руслан Родный твёрдо уверовал, что проживает чужую жизнь.

На его месте должен быть другой человек. Кто? Он не хотел никому в этом признаваться. Но не он. Тяжело, мучительно было в этом сознаваться, даже самому себе, он гнал, гнал дурные мысли прочь, но ощущение самозванства не проходило, а, наоборот, с каждой новой размолвкой усиливалось, укреплялось, хотя и не было до конца убедительным, необратимым.

Тогда он начал приспособливаться, заглушать свои чувства и желания, ясно осознавая, что чем более он уступал, соглашался, уходил от вопросов, тем явственнее они надвигались на него, поглощая и давя на психику и сердце.

Умом Руслан Родный понимал, что душевное рабство страшнее физического, но он ничего не в состоянии с собой поделаться. Как тот предатель, у которого битвём вырывали признание, продолжал называть новые и новые имена, а его не переставая все били и били. “Вас когда-нибудь били по обнажённому сердцу?” — вычитал у писателя-земляка Янки Брыля — мучительно каждый раз задавая вопросом: “Откуда это?”

Сегодня он узнал для себя точно, что это такое.

В Америке любят за что-то. Любовь к индивиду в целом исчезает, когда ты не можешь объяснить, за что и как сильно ты любишь другого человека, почему он тебе так дорог, когда ты можешь для него сделать всё, что ни заблагорассудится, когда тебя нет, ты растворился в любимом человеке, готов жизнь свою бросить к её ногам. “На, бери, милая, топчи, милая”. “Какая сладкая каторга — эта любовь!”

В семье терялось достоинство любви, а приходило подчинение и подавление, господство. Уходило что-то едва-едва постижимое, тонкое, неуловимое, что заставляло бежать навстречу, дышать одним воздухом, видеть хотя бы издалека.

Как это хорошо — ощущать, что и она где-то рядом с тобой, что ты можешь до неё дотронуться рукой, вскользь обратить свой взор на неё, втайне изучая её профиль, нос, уши, рот, скулы, взглядом утопая в её волосах, любясь походкой, ловя едва заметные милые твоему сердцу, но непривычные

движения: ладонь в ладонь, и, пробуя сломить её едва заметное сопротивление, поднять свои руки над головами, до хруста в пальцах, и снова до сумерек, до темноты любоваться изгибом её тела и поворотом головы. “Ах, ты так, коварный!” “Не смей, ирод!” “Только попробуй, монстр ненасытный!” “Отведи взор, Змей Горыныч о двух головах, о трёх руках (одна в другой), о четырёх ногах. Сипач. Аспид проклятый!” А случись, колени в колени сойдутся — счастья иного и не надо, полна голова радости, можно весь вечер и день проходить в ожидании развязки, сердце заходится от предвосхищения продолжения.

Сколько раз Руслан Родный в юные годы ловил себя на мысли, что ему в жизни больше ничего и не надо, только бы быть рядом, видеть, ощущать и, не дотрагиваясь, желать и хотеть её всю, предвкушать радость сближения, ощущать томную негу, с каждым разом приближающуюся близость.

Перед отлетом в Америку таинство подлинной любви исчезало, а появлялось социализированное разделённое чувство любви за что-то, отчего-то, почему-то.

В американских фильмах не умели показывать любовь. “Я люблю тебя, Иден!”, “Я люблю тебя, Круз!” — как угод, твердит в самый неподходящий для признания момент герой мыльного сериала “Санта-Барбара”, попав в безвыходную, казалось бы, ситуацию; а потом, уже освободившись от нагрянувшей опасности, они спрашивают друг друга: “Ты в порядке?” — “Я в порядке”.

“Самое трудное — сыграть влюблённость”, — признавалась известная актриса отечественного кино Алиса Фрейндлих.

Это чувство не поддаётся имитации.

Величайшим таинством в жизни является подлинная любовь. В это Родный уверовал вслед за философом Бердяевым. Об этом известили миру трубадуры Прованса. Совсем не случайно вслед за этим французские поэты заговорили “о Франции милой”. Что же он, Руслан?

— Я не люблю твоей Америки, — возвестила перед отъездом Наталья Астрога мужу. — И не надо мне рассказывать о ней. Ничего интересного там нет.

Трагизм любви надвигался медленно, исподволь.

— Надо пожить для себя.

Это решение едва не закончилось несчастьем.

После свадьбы их старшая дочь сразу же на второй день уехала с мужем в Талнах, на военную ракетную точку под Норильском.

— Если бы я знал, что ты уедешь туда, я бы воспитывал тебя иначе, — сказал тогда себе Родный. — Я буду слать посылки каждый день.

Эти посылки оборачивались бедой. Они приходили в одно время две-три. Получать их надо было на почте — в чёрную пургу. “Иду, за канат держусь, плачу, а ногой посылку перед собой толкаю”, — вспоминала дочь. Чёрная пурга — это такая метель, что на расстоянии вытянутой руки пальцев не видно.

— Наметало за ночь выше окон, так что выходить из подъезда приходилось с другой стороны дома.

Обо всём этом он узнал намного позже, уже будучи в Англии, в Лондоне.

...Родный стал далее читать лист-обращение к советской делегации.

Скрупулёзно. Подробно. Вчитываясь в каждое слово, анализируя сказанное. “Что касается меня лично, то я с грустью сообщаю, что не смогу путешествовать вместе с вами, так как мои финансовые дела заставляют меня продолжать работу в Нью-Йорке, чтобы оплатить квартиру и другие счета. Однако Ричард Лещинский, которого вы встретите в Вашингтоне, проведёт с вами всё ваше путешествие”. Ага! Вот где вы в единственном месте чисто-сердечно признаетесь, что и вам непросто жить — “надо оплачивать счета”, а может, это всего лишь уловка, чтоб не поехать. Ну нет! С работы уволят. Джон Холман работал таксистом, представлял Его Величество рабочий класс США.

“Как вы, вероятно, уже знаете, это четвёртая такая встреча американской и советской молодёжи; вторая — в нашей стране. Многие из нас, в ко-

митете Форума, те, кто работал на предыдущих конференциях, знают, что это будет продолжительный процесс узнавания и волнующих событий. Поэтому мы гордимся принимать вас здесь и с нетерпением стремимся узнать каждого из вас лично. Наш самый искренний и тёплый привет вам.

От имени Форума американо-советской молодёжи я остаюсь искренне ваш

Джон В. Холман,
Председатель Форума американо-советской молодёжи.
13 августа 1975 г.
Нью-Йорк”.

...А теперь Руслан Родный летит в Вашингтон рейсом “Нью-Йорк—Вашингтон”. Рейс “Истен Шатл”. И он с лупой в руках, как истинный начинающий юный натуралист, вчитывался в каждое слово зарубежного послания своего нового американского друга.

Руслан словил себя на том, что всё время думает о доме.

Трезубец чайки похож на острогу.

Острога — это тюрьма-а-а-а. Или город за частоколом?

— Чайка, чтоб ты всю жизнь над морем летала и тебя жажда мучила.

— Приди, мой суженый, пить попроси.

Непоседливая чайка над Минским морем не давала покоя.